

Прекрасный секрет

Автор:

Кристина Лорен

Прекрасный секрет

Кристина Лорен

Прекрасный подонок #6

Руби Миллер потрясена: ее отправляют в командировку в Нью-Йорк. Не то чтобы Руби сомневалась в себе – она один из самых блестящих молодых инженеров Лондона, просто ей предстоит целый месяц работать бок о бок и жить в одном отеле с Найлом Стеллой, главным проектировщиком компании и самым горячим мужчиной на свете. Руби влюблена в Найла по уши, но убеждена, что он и не подозревает о ее существовании. Впрочем, флирт во время совместного полета быстро это исправляет.

Недавно разведенный Найл всегда держит себя в рамках и утверждает, что с женщинами у него не ладится. Но даже ему ясно, что Руби, задорная девушка родом из Калифорнии, для него как глоток свежего воздуха. Так что когда она решает помочь сексуальному британцу немного расслабиться, он даже не пытается ей помешать. В тысячах миль от Лондона им так легко крутить любовь. Но устоят ли их отношения, когда поездка подойдет к концу?

Кристина Лорен

Прекрасный секрет

Christina Lauren

Beautiful Secret

Печатается с разрешения издательства Gallery Books, a division of Simon & Schuster Inc., и литературного агентства Andrew Nurnberg

В оформлении обложки использована фотография

Full length portrait of a young business man standing with a hand in his pocket and looking into the camera by Viorel Sima

Используется по лицензии Shutterstock.com

Copyright © 2015 by Christina Hobbs and Lauren Billings

© Ларина Е., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор бестселлеров из списка New York Times

Перестанем ли мы когда-нибудь влюбляться в мужчин, придуманных Кристиной Лорен?

Ответ – ДА КУДА ТАМ!

Fangirlish

Кристина Лорен знает, что нам всем нужно, и в лице Найла мы встречаем очередного отменного мужчину, которого нельзя представить себе без

вожделения. Очередная книга из серии «Прекрасный подонок» убедит вас в том, что внутри каждого сдержанного англичанина скрывается ненасытный зверь. Нужно только затащить его в постель.

That's Normal

Кресли:

первая строка и все, что идет следом, – для тебя

Глава 1

Руби

– Ну, я не утверждаю, что у него огромный член, но отрицать тоже не буду.

– Пиппа, – простонала я, в ужасе закрывая лицо руками. Бога ради, сейчас четверг, половина восьмого утра. Она ведь не могла уже напиться.

Я с извиняющимся видом улыбнулась удивленному мужчине, стоящему напротив нас, и пожалела, что не могу ускорить движение лифта силой мысли.

Когда я сердито взглянула на Пиппу, она произнесла одними губами: «Что?» – и подняла руки, разведя указательные пальцы примерно на фут. Прошептала:

– Висит как у коня.

От новых извинений меня спасло то, что мы остановились на четвертом этаже и лифт открылся.

– Ты понимаешь, что мы были не одни? – прошипела я, идя следом за ней по коридору и поворачивая за угол. Мы остановились около широких дверей с надписью «Ричардсон-Корбетт», выгравированной на матовом стекле.

Она подняла глаза от огромной сумки, в которой копалась в поисках ключей, и на ее правой руке звякнули браслеты. Ярко-желтая сумка Пиппы была усыпана металлическими заклепками. В ярком свете флуоресцентных ламп длинные рыжие волосы казались почти неоновыми.

Я, блондинка с бежевой сумкой-кроссбоди, чувствовала себя рядом с ней стаканчиком ванильного мороженого.

– Неужели?

– Нет! В лифте был тот парень из бухгалтерии. Мне надо будет потом туда сходить, и благодаря тебе мы будем с неловкостью смотреть друг другу в глаза, вспоминая, как ты сказала слово «член».

– Я еще сказала «висит как у коня». – Секунду она выглядела виноватой, а потом снова обратила внимание на свою сумку. – В любом случае, парням из бухгалтерии неплохо бы расслабиться. – Потом полным драматизма жестом обвела темный коридор перед нами и произнесла: – Полагаю, теперь мы с тобой в достаточно уединенном месте?

Я изобразила игривый реверанс.

– Пожалуйста, продолжай.

Она кивнула, сосредоточенно сдвинув брови.

– Имею в виду, если мыслить логически, он должен быть большим.

– Логически, – повторила я, сдерживая ухмылку. Мое сердце трепыхалось в груди, как бывало всегда, когда мы говорили о Найле Стелле. Рассуждения о размере его члена погубят меня окончательно.

Победоносно взмахнув рукой в воздухе, Пиппа предъявила ключи от офиса, перед тем как воткнуть самый длинный ключ в замок.

– Руби, ты видела его пальцы? Его ступни? Не говоря уже о том, что он ростом восемь футов.

– Шесть футов семь дюймов, – тихо поправила я. – Но величина ладони ничего не значит. – Мы закрыли за собой входную дверь и включили освещение в офисе. – Куча парней имеет большие ладони, и совершенно необязательно, что они при этом щедро одарены по части мужского достоинства.

Я последовала за Пиппой по узкому коридору в комнату с множеством столов, расположенную в дальнем углу третьего этажа. Хотя наш уголок был менее роскошен и довольно тесен, он, во всяком случае, был уютным, что очень хорошо, с учетом того что я провожу здесь за работой больше времени, чем в крошечной квартирке, которую я снимаю в Южном Лондоне.

Может быть, «Ричардсон-Корбетт Консалтинг» – одна из самых больших и самых успешных инженерных компаний в Европе, но они берут совсем мало стажеров. Закончив колледж Сан-Диего, я пришла в невероятное возбуждение, оказавшись в их числе. Приходилось перерабатывать, и деньги быстро заканчивались с учетом моего пристрастия к хорошей обуви, но эти жертвы уже начинали оправдываться: после первых трех месяцев моей стажировки наклейку с моим именем заменили на металлическую табличку с надписью «Руби Миллер», и меня переместили из чулана на втором этаже в комнатку на третьем.

Мне легко было учиться в университете, и я пережила преддипломный период без особых проблем. Но переехать через полмира и тереться локтями с самыми лучшими инженерными умами Соединенного королевства? В жизни я так не пахала. Если у меня получится хорошо закончить стажировку, место в Оксфорде в последипломной программе моей мечты у меня в кармане. И разумеется, «хорошо закончить» вовсе не предусматривает обсуждение членов топ-менеджеров в офисном лифте...

Но Пиппа разошлась.

– Помнится, я читала, что надо померить расстояние от запястья до кончика среднего пальца... – добавила она и начала измерять свою собственную руку,

чтобы проиллюстрировать свой метод. – Если это правда, твой мужик неплохо оснащен.

Я замычала, вешая плащ на крючок на двери.

– Наверное.

Пиппа бросила сумку на стул и стрельнула в меня понимающим взглядом.

– Твои попытки выглядеть незаинтересованной приводят меня в восторг. Можно подумать, ты не пялишься на его ширинку каждый раз, когда он оказывается в десяти футах от тебя.

Я попыталась изобразить негодование.

Я попыталась изобразить испуг и придумать, как возразить.

Тщетно. За последние шесть месяцев я так часто украдкой пялилась на Найла Стеллу, что если в этом мире и есть эксперт по географии его промежности, то это я.

Я убрала сумку в ящик стола и смиренно вздохнула. Похоже, мои взгляды украдкой вовсе не были такими незаметными, как я думала.

– К сожалению, я не думаю, что его ширинка когда-либо окажется в пределах моей досягаемости.

– Нет, если ты не начнешь с ним разговаривать. Послушай, как только подвернется возможность, я трахну того рыжего парня из PR-отдела. Тебе надо хотя бы заговорить с ним, Руби.

Но я отрицательно покачала головой, и она стукнула меня кончиком своего шарфа.

– Считай это исследовательской работой по курсу конструктивной целостности. Скажи ему, что тебе нужно измерить предел прочности его стальной балки.

Я застонала.

– Прекрасный план.

– Ну ладно, тогда с кем-то другим. С блондинчиком из отдела обработки корреспонденции. Он вечно на тебя пялится.

Я поморщилась:

– Он меня не интересуется.

– Тогда Этана из договорного отдела. Он невысокий, да, но он ладненький. И ты видела в пабе, что он вытворяет языком?

– О господи, нет. – Я обмякла на стуле под ее пристальным взглядом. – Мы правда обсуждаем эту тему? Нельзя ли притвориться, что мое страстное увлечение – чепуха?

– О нет. Тебя не интересуют другие мужчины, но при этом ты ничего не делаешь, чтобы привлечь мистера Суперконтроль. – Она вздохнула. – Не пойми меня неправильно. Стелла офигенный, но он чересчур чопорный, разве не так?

Я провела ногтем по краю стола.

– По правде говоря, мне это нравится, – ответила я. – Он уравновешенный.

– Занудный, – возразила она.

– Сдержанный, – настойчиво сказала я. – Он как будто вышел из романа Джейн Остен. Мистер Дарси. – Я понадеялась, что так ей будет понятнее.

– Не понимаю. Мистер Дарси отвратительно вел себя с Элизабет. Зачем тебе человек, с которым столько мороки?

– Какой мороки? – спросила я. – Дарси не осыпает ее лестью и бессмысленными комплиментами. Когда он говорит, что любит ее, значит, так оно и есть.

Пиппа плюхнулась на стул и включила компьютер.

– Может быть, мне нравится флирт.

– Флиртовать можно с кем угодно, – возразила я. – Дарси неловок, и его трудно понять, но если он отдает тебе свое сердце, это навсегда.

– Как по мне, это очень муторно.

Я знаю, что склонна к романтике, но мысль о том, чтобы увидеть, как сдержанный герой дает себе волю: становится раскованным, жаждущим, соблазняет, – мешала мне думать о чем-то другом, когда Найл Стелла оказывался в радиусе четырех футов от меня.

Проблема заключается в том, что в его присутствии я глупею.

– Как я могу надеяться, что у нас и вправду завяжется разговор? – спросила я. Я знала, что сама я никогда бы не начала эту беседу, но было так хорошо наконец поговорить о нем с кем-то, кто его знает, а не с Лондон и Лолой, которые далеко отсюда. – Понимаешь, вот как это может получиться? Во время совещания на прошлой неделе Энтони попросил меня рассказать о данных по проекту «Даймонд Сквер», которые я анализировала, и я была звездой, пока не подняла глаза и не увидела, что рядом с Энтони стоит он. Ты знаешь, как я тяжело работала над этим проектом? Недели! Хватило одного взгляда Найла Стеллы, и моя сосредоточенность полетела к чертям.

Почему-то я не могла называть его только по имени. Найл Стелла – это был словно титул, все равно что принц Гарри или Иисус Христос.

– Я умолкла на середине предложения, – продолжила я. – Когда он рядом, я либо несу чушь, либо молчу.

Пиппа рассмеялась, потом сузила глаза и осмотрела меня с головы до пят. Взяла календарь и сделала вид, что изучает его.

– Забавно, я только что поняла, что сегодня четверг, – пропела она. – Вот почему у тебя такая сексуальная прическа и ты нацепила эту развратную мини-юбку.

Я провела рукой по растрепавшимся волосам длиной до подбородка.

– У меня всегда такая прическа.

Пиппа фыркнула. На самом деле я и правда угробила кучу времени, собираясь на работу сегодня утром, но сегодня мне нужно чувствовать себя уверенной.

По четвергам я вижу его.

Во всех остальных смыслах четверг – самый заурядный день. Список дел на этот четверг состоял из заурядных пунктов вроде полить маленький грустный фикус, который я по настоянию Лолы привезла контрабандой за пять тысяч четыреста миль из Сан-Диего в Лондон, составить предложение цены на торгах и отправить его по почте и вынести мусор. Блестящая жизнь. Но мой аутлук каждый четверг напоминал мне, что сегодня совещание инженерной группы Энтони Смита, во время которого я целый час смогу наблюдать за Найлом Стеллой, вице-президентом, директором по планированию и, черт возьми, самым сексуальным мужчиной из ныне живущих.

Если бы я только могла добавить и его в свой список дел на сегодня.

Час прайм-тайм в обществе Найла Стеллы – одновременно благословение и проклятие, потому что меня и правда интересует все, что происходит в нашей фирме, и разговоры между старшими партнерами действительно приковывают внимание. Мне двадцать три года, а не двенадцать. У меня диплом по инженерии, и когда-нибудь я стану руководителем. То, что один-единственный человек до такой степени отвлекает меня, пугало. Я не ветрена и не неуклюжа, и у меня были парни. На самом деле после переезда в Лондон у меня было больше свиданий, чем дома, ну, все дело в этих англичанах. Что еще сказать.

Но конкретно этот англичанин был за пределами досягаемости. Почти буквально: Найл Стелла – ростом больше шести с половиной футов, расслабленно элегантный, с идеально подстриженными темными волосами, пронзительными карими глазами, широкими мускулистыми плечами и такой замечательной улыбкой, что при виде ее я теряю всякое разумение.

Как гласили офисные сплетни, он закончил университет чуть ли не в пеленках и был выдающимся градостроителем. Я этого не понимала, пока не начала работать в инженерной группе в «Ричардсон-Корбетт» и не увидела, как он делает все – от общего контроля до указаний по химическому составу бетонных присадок. В Лондоне его слово было последним, если дело касалось строительства мостов, коммерческих зданий и транспортных сетей. Мое сердце было окончательно разбито, когда посреди совещания в четверг он ушел на стройку, потому что позвонил испуганный рабочий со словами, что другая фирма плохо заложила фундамент, а бетон уже заливают. В Лондоне и правда ничего не строилось, к чему Найл Стелла не приложил бы свою руку.

Он пил чай с молоком (без сахара), сидел в огромном кабинете на четвертом этаже – далеко от меня, – не имел времени смотреть телевизор, но был фанатом «Лидс Юнайтед» до мозга костей. И хотя он вырос в Лидсе, учился он в Кембридже, а потом в Окфорде, а сейчас живет в Лондоне. И каким-то образом по пути оттуда сюда Найл Стелла выработал совершенно шикарный акцент.

Также: недавно развелся. Мое сердце с трудом могло воспринять эту информацию.

Продолжим.

Сколько раз Найл Стелла посмотрел на меня во время наших совещаний по четвергам? Двенадцать. Сколько раз мы разговаривали? Четыре. Что из этого он помнит? Ничего. Я уже шесть месяцев пытаюсь справиться со своим влечением к Найлу Стелле и совершенно уверена, что он даже не знает, что я сотрудник его фирмы, а не просто курьер.

Как ни странно, этот человек, который обычно приходит в офис раньше всех, сейчас отсутствовал. Я несколько раз проверила, выгнув шею и всматриваясь в толпу полусонных людей, входящих в конференц-зал.

Вдоль одной стены нашего конференц-зала располагались окна, выходящие на шумную улицу. Утром я успела дойти до работы, когда еще было сухо, но сейчас начал моросить дождь – обычное дело для этого города. Он выглядел безобидной дымкой, но меня уже не обманешь: три минуты на улице – и промокнешь насквозь. Хотя я выросла не в таком сухом месте, как Южная Калифорния, но я никак не могла привыкнуть к тому, что с октября по апрель

лондонский воздух пропитан водой и окутывает тебя, как дождевое облако.

Весна едва началась, и маленький дворик через дорогу на Саутворк-стрит был еще печальным и голым. Мне говорили, что летом соседний ресторан выставляет здесь розовые стулья и маленькие столики. Сейчас это были просто бетон и лишенные листьев ветки деревьев, а по окоченевшей земле ветер нес коричневые листья.

Люди вокруг меня продолжали выражать недовольство погодой, открывая ноутбуки и допивая чай, и я отвернулась от окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как входят последние. Все хотели сесть рядом с Энтони Смитом – моим боссом и директором по инжинирингу, спустившимся с шестого этажа.

Энтони... что ж, он осел. Он похотливо пялится на девушек-стажеров, любит вещать и не говорит ничего искреннего. Каждое утро вторника он развлекается, со слащавой улыбкой отпуская язвительные реплики по поводу последнего вошедшего человека, его одежды или прически, пока все остальные в свинцовом молчании наблюдали, как тот находит последнее свободное место и, опозоренный, садится.

Дверь скрипнула, и появилась она. Эмма.

Эмма задержалась, придерживая дверь для кого-то, кто шел за ней. Черт. Карен.

В коридоре слышались голоса, становившиеся громче, по мере того как люди приближались к конференц-залу. Виктория и Джон.

А потом настал час.

– Представление начинается, – пробормотала Пиппа, сидящая рядом со мной.

Я увидела голову Найла Стеллы, когда он показался за спиной Энтони, и возникло такое ощущение, будто из зала высосали воздух. Люди со своей болтовней утратили четкость, и остался только он — в темном костюме, небрежно засунувший руку в карман брюк и с нейтральным выражением лица оценивающий, кто пришел, а кто отсутствует.

Ощущение жжения в моей груди усилилось.

В Найле Стелле было что-то такое, отчего за ним хотелось наблюдать. Не потому, что он громогласный и шумный, наоборот. В нем были спокойная уверенность, в том, как он вел себя, как ожидал внимания и уважения, и чувство, что когда он молчит, он наблюдает за происходящим и все замечает.

Но только не меня.

Родом из семьи психотерапевтов, в которой не было запретных тем, я сама никогда не была молчаливой. Мой брат и даже Лола называли меня болтушкой, когда я входила в раж. Поэтому тот факт, что я не могу выдавить ни единого членораздельного звука, когда Найл Стелла поблизости, совершенно необъясним. То, что я к нему чувствую, – какая-то одержимость, которая лишает меня сосредоточенности.

На самом деле ему даже не надо было посещать эти четверговые совещания; он делал это, потому что хотел убедиться, что существует «консенсус между департаментами» и что его отдел планирования «хотя бы усвоит рабочий инженерный словарь», поскольку это была зона ответственности Найла Стеллы – координировать инженерное дело с городской политикой и с его собственным отделом планирования.

Не то чтобы я помнила все, что он когда-либо говорил на этих совещаниях.

Сегодня под угольно черный пиджак он надел голубую рубашку. Галстук представлял собой завораживающее сочетание желтого и синего, и мои глаза скользили от двойного виндзорского узла к гладкой коже над ним, выпуклости кадыка и твердому подбородку. Его обычно бесстрастный рот был изогнут в усмешке, и когда я посмотрела ему в глаза... я с ужасом поняла, что он наблюдает, как я пожираю его взглядом.

О боже.

Я уставилась на ноутбук, ничего не видя на экране от напряжения. Сквозь открытую дверь доносился все усиливающийся шквал телефонных звонков и шум принтеров, а потом кто-то закрыл дверь, сигнализируя начало совещания. И как будто мы оказались в полном вакууме.

– Мистер Стелла, – приветствовала его Карен.

Я кликнула по папке «Входящие», наострив уши в ожидании его ответа. Вдох, выдох. Вдох. Ввела пароль. Уговаривала свое сердце, чтобы оно так не колотилось.

– Карен, – наконец ответил он своим красивым спокойным глубоким голосом, и мое лицо само по себе расплылось в улыбке. Даже не в улыбке, а в широкой усмешке, как будто меня угостили огромным куском торта.

Господи, как я влипла.

Закусив щеку с внутренней стороны, я изо всех сил пыталась вернуть невозмутимое выражение лица. Судя по тому, что Пиппа толкнула меня локтем в ребра, у меня это не получалось.

Она наклонилась ко мне и прошептала:

– Полегче, детка. Это просто два слога.

Открылась дверь, и в зал с извиняющейся гримаской проскользнула Саша – еще один наш интерн.

– Простите, я опоздала, – прошептала она. Взгляд на часы на моем ноутбуке показал, что она на самом деле пришла совершенно вовремя, но Энтони, конечно, не мог так это оставить.

– Ладно, Саша, – произнес он, наблюдая, как она неловко протискивается между длинным рядом кресел и стеной к пустому месту в дальней части зала. В комнате вибрировало молчание. – Миленький свитерок. Новый? Тебе очень идет синий цвет. – Саша села, ее щеки пылали. – Кстати, доброе утро, – добавил Энтони с широкой улыбкой.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Какой же он засранец.

Наконец началось совещание. Энтони двигался по своему списку вопросов, которые он подготовил к каждому из нас, документы передавали из рук в руки, и когда я повернулась, чтобы передать стопку бумаг человеку, сидящему справа от меня, я чуть не проглотила язык.

Найл Стелла сидел через два кресла от меня.

Я взглянула на него из-под ресниц, вбирая глазами его подбородок, всегда идеально выбритый, никакого намека на щетину, его глаза с густыми ресницами и идеальной формы темные брови, безупречную рубашку и галстук. В тусклом свете конференц-зала его волосы казались такими гладкими. Я подумала, какие же они, должно быть, мягкие, и в сотый раз представила, каково это: провести по ним пальцами, притянуть его к себе и...

– Руби? Мы уже получили ответ от «Адамс и Эвери»?

Я выпрямилась и моргнула, глядя на экран ноутбука. Я как раз сидела над этим файлом вчера допоздна.

– Пока нет, – ответила я, и мой голос почти не дрожал. – Они получили наши планы, готовые к подписи. Но я свяжусь с ними, если они не позвонят сегодня до конца дня.

И да, это был на удивление внятный ответ, учитывая то, что Найл Стелла обратил на меня внимание.

Вполне довольная собой, я напечатала себе напоминалку и оперлась локтем на стол, играя с прядью волос и листая календарь.

Но что-то было не так. Я сижу в этом кресле каждую неделю в течение часа и я уверена, что ничего такого я раньше не ощущала. Какое-то давление на щеке, почти физическое ощущение чужого внимания.

Я накрутила локон на палец и небрежно глянула на Пиппу. Нет, не она.

Слегка подавшись вперед, во всяком случае, я надеялась, что со стороны мое движение выглядело именно так, я вытянула шею и посмотрела вправо. И

застыла на месте.

Он все еще смотрел на меня. Найл Стелла смотрел на меня. На самом деле смотрел. Его светло-карие глаза встретились с моими, и это был не просто взгляд вскользь, он смотрел на меня. На его лице выражалось любопытство, как будто я – новый предмет обстановки, случайно оказавшийся в комнате.

Мое сердце понеслось вскачь, кровь запульсировала в венах. В груди будто бы что-то растаяло и потекло, и если бы сейчас начался пожар, я бы сгорела в огне, потому что я была совершенно не в состоянии контролировать то, что происходит сейчас с моим телом.

– Найл, – обратился к нему Энтони.

Найл Стелла моргнул, перед тем как отвести взгляд от моего лица.

– Да?

– Ты не мог бы сообщить текущий статус по предложению для «Даймонд Сквер»? Я хочу, чтобы мой отдел к концу недели подготовил для отдела планирования кое-какие спецификации, но мы не знаем размеры помещения...

Я отключилась, пока Энтони по своему обыкновению формулировал длинный вопрос, который можно было бы сделать в семь раз короче.

Когда его речь подошла к концу, Найл Стелла покачал головой.

– Размеры, – повторил он и начал шуршать бумагами. – Я не уверен, что они у меня есть...

– Их должны окончательно определить сегодня утром, – ответила я вместо него и пояснила, что пропуск на территорию должны доставить не позднее, чем завтра утром. – Я попросила Александра прислать копию проекта сегодня днем.

В комнате воцарилось такое молчание, что на секунду я забеспокоилась, что оглохла.

За исключением одного человека, все уставились на меня. О господи, что я наделала?

Я перебила его, не подумав.

Я ответила на вопрос, который задали не мне.

Я ответила на вопрос, ответ на который он наверняка знал.

Я нахмурилась. Тогда почему он не ответил?

Я наклонилась вперед и взглянула на него.

– Хорошо, – сказал он. Тихо. Спокойно. Своим прекрасным голосом. Он подвинулся в кресле, взглянул мне в глаза и едва заметно благодарно улыбнулся. – Перешлешь?

Я чуть не воспарила.

– Конечно.

Он продолжал смотреть на меня, явно находясь в таком же замешательстве по поводу произошедшего, как и я, но при этом почему-то забавляясь. Я сама не могла понять, что заставило меня заговорить. Только что Найл Стелла смотрел на меня, а минуту спустя мямлил и копался в бумагах в поисках ответа на вопрос, который, я уверена, он мог бы вспомнить, если бы его разбудили посреди ночи.

Такое ощущение, что его мысли не здесь. Такого я еще не видела.

– Теперь время больших новостей, – объявил Энтони, взглянув на пачку бумаг, перед тем как передать их дальше и встать на ноги. Я посмотрела на него, привлеченная переменой в его голосе. Энтони любил приковывать внимание всего зала, и судя по интонации, сейчас он скажет что-то важное. – Метро Нью-Йорка строилось с учетом того, что по-настоящему сильные ураганы случаются раз в сто лет. К сожалению, это не так. Катастрофы вроде урагана «Сэнди», которые, как считалось, бывают раз в столетие, начали происходить каждые

несколько лет. США тратят миллиарды, говорят о том, что надо поднять входы в метро и установить шлюзы, и с учетом того, что мы вели обширные работы в лондонском метро, они хотят, чтобы мы поделились опытом. Поэтому я на месяц уезжаю на международный саммит по подготовке к чрезвычайным ситуациям в общественном транспорте, воздушных перевозках и городской инфраструктуре.

– На месяц? – уточнила старший инженер, озвучивая мысли всех присутствующих. Я задумалась, кто-то еще, кроме меня, обрадовался при мысли о том, что кабинет Энтони так долго будет пустовать.

Энтони кивнул в ее сторону.

– Будут проходить три отдельных саммита. Не все приглашенные остаются на весь срок, но с учетом того, что наша компания специализируется и на общественном транспорте, и на городской инфраструктуре, Ричард решил, что мы должны быть там.

– Мы? – переспросил кто-то из топ-менеджеров департамента Найла Стеллы.

– Верно, – сказал Энтони, склонив голову набок. – Найл поедет со мной.

– Вас обоих не будет целый месяц? – выпалила я, тут же пожалев о своих словах. Я же стажер. Одним из негласных правил Энтони было то, что мы не говорим на этих совещаниях, пока нам не зададут прямой вопрос. Я снова почувствовала тяжесть взглядов присутствующих. И что еще хуже, я чувствовала на себе его испытующий взгляд.

– Э-э, да, Руби, – ответил несколько сконфуженный Энтони. Он обошел свое кресло и приблизился ко мне, засунув руки в карманы. – Но не волнуйся, я знаю, что твой проект «Оксфорд-стрит» близится к концу, и мое отсутствие не повлияет на его завершение. Если тебе что-то будет нужно от меня, ты всегда можешь позвонить мне.

– О, – сказала я, чувствуя, как отступает жар от моего лица, – хорошо, спасибо. – Естественно, Энтони подумал, что я не сдержалась, потому что беспокоюсь из-за его отъезда, он же мой босс, и из-за того, что его отсутствие может как-то сказаться на моей работе.

– Ловко, – заметила Пиппа, постукивая длинными овальными ногтями по клавиатуре.

– Заткнись, – простонала я, обмякнув в кресле.

Я не знала, смотрит ли еще на меня Найл Стелла, и двенадцатилетняя девочка внутри меня хотела затащить Пиппу в женский туалет и обсудить всю эту сцену секунда за секундой.

Но я знала, что это будет ошибкой. Он впервые обратил на меня внимание, а я веду себя как дура. Я не переживу, если она скажет, что он смотрел на меня с таким видом, будто я пролила сливки на его сшитый на заказ костюм.

Вот бы вернуться в то время, когда он не знал о моем существовании.

Конец дня застал меня за нашим длинным общим столом, когда я сортировала пропуска. Моя диетическая кола нагрелась, и я считала минуты до того, как смогу лечь в горячую ванну с любовным романом, когда мой ноутбук пискнул, отмечая приход письма.

– Наконец, – вздохнула я. Я жду этого подтверждения весь день. Наконец-то я смогу пойти домой.

Или нет.

Рядом со мной зевнула и потянулась Пиппа. Уже стемнело, по пути до метро мы замерзнем и промокнем.

– Можем идти?

Мои плечи опустились.

– Это имейл от Энтони, – сказала я, хмуро глядя на экран. – Он хочет, чтобы я зашла в его кабинет перед уходом. Могу придумать сотню других занятий, которые мне больше по вкусу.

– Что? – сказала она, наклоняясь к моему ноутбуку. – Чего ему надо?

Я покачала головой.

– Понятия не имею.

– Разве у него нет часов? Мы должны были уйти двадцать минут назад.

Я быстро напечатала ответ и начала собираться на выход.

– Подождешь меня? – спросила я Пиппу.

Закрывая ящик, она печально взглянула на меня.

– Я тороплюсь, прости, Руби. Я ждала, сколько могла, но у меня куча дел.

Я кивнула, испытывая неловкость при мысли о том, что остаюсь так поздно одна в офисе наедине с Энтони.

По пустым коридорам я дошла до лифту и поехала на седьмой этаж.

– Руби, Руби, входи, – сказал он, прерываясь в процессе складывания вещей в коробку. Его что, уволили? Смею ли я надеяться? – Закрой дверь и присаживайся.

Я не смогла сдержать недовольную гримасу.

– Но никого нет, – ответила я, оставив дверь открытой.

– Почему твои родители называли тебя Руби? – спросил он, внимательно рассматривая мое лицо.

Я нахмурилась еще сильнее. Что?

– М-м, на самом деле не знаю. Думаю, им просто нравилось это имя.

Энтони придерживался нескольких старых деловых правил, одно из которых заключалось в том, что на столике рядом с его рабочим местом всегда стоял хрустальный графин со скотчем. Он пил?

– Я тебе когда-нибудь говорил, что мою бабушку звали Руби?

Я уставилась на скотч, пытаюсь вспомнить, на каком уровне он был, когда я последний раз сюда приходила.

Энтони обошел свой стол и сел на угол рядом со мной. Его бедро прижалось к моей руке, и я отодвинулась.

– Нет, сэр. Не говорили.

– Нет-нет, не называй меня «сэр», – отмахнулся он. – Мне начинает казаться, что я твой отец. Зови меня Энтони.

– Хорошо. Простите... Энтони.

– Я не твой отец, знаешь ли, – сказал он, подавшись на мне. Повисла многозначительная пауза. – Недостаточно стар для этого.

Я попыталась скрыть охватившую меня дрожь. Почти уверена, что если бы это было возможно, Энтони бы в буквальном смысле просочился под стол, растекся лужей у моих ног. И заглянул бы мне под юбку.

– Но я позвал тебя не для этого. – Он выпрямился и взял папку из стопки документов на столе. – Я позвал тебя, потому что в наших планах есть кое-какие изменения.

– Да?

– Кое-что произошло, поэтому я не еду в Нью-Йорк.

А мне какое дело? Он что, правда думает, будто я до такой степени волнуюсь, что ему нужно лично меня об этом проинформировать?

Я сглотнула, пытаюсь изобразить заинтересованность.

– Нет?

– Нет, – подтвердил он, улыбаясь с видом, который должен был выражать великодушие и снисходительность. – Едешь ты.

Глава 2

Найл

Я зажал телефон между ухом и плечом и аккуратно выровнял стопку бумаг.

– Ясно.

На линии слышалось потрескивание статического электричества.

– Ясно? – повторила Порция придушенным голосом. – Да ты хотя бы слушаешь?

Неужели она всегда была со мной так нетерпелива?

Грустно, но, думаю да.

– Разумеется, я слушаю. Ты говорила мне, что прикована к дому. Но я не вижу, чем я могу тебе помочь, Порция.

– Мы же договаривались, Найл. Ты разрешил мне оставить пса, если я буду отдавать его тебе на время поездок. Я уезжаю в отпуск, и мне надо, чтобы ты за ним присмотрел. Но если тебе это сложно... – Голос Порции смолк, но эхо сочилось по телефонной линии, словно кислота, капающая на металл.

– В обычных обстоятельствах мне несложно взять к себе Дейви, – спокойно ответил я. Всегда спокойный, всегда терпеливый, даже когда мы обсуждаем, кто присмотрит за ее питомцем, пока она будет на Майорке снимать стресс от развода. – Проблема в том, что меня не будет в стране, любимая.

Я проглотил ругательство и поморщился.

Любимая. После почти шестнадцати лет совместной жизни некоторые привычки умирают с трудом.

В ответ она молчала, и это молчание можно было резать ножом. Два года назад тишина на том конце линии привела бы меня в панику. Год назад у меня бы заболел живот.

А сейчас, через девять месяцев после того как я съехал из нашего дома, ее сердитое молчание просто утомляло.

Я взглянул на кучу неотвеченных имейлов в почтовом ящике, на стопку контрактов на столе, а потом на часы, сказавшие мне, что уже давно пора закругляться. Небо за окном потемнело. Дома надо будет собрать чемоданы для Нью-Йорка, и я не успею разобраться с делами.

– Порция, прости. Мне правда надо идти. Мне жаль, но я не могу взять пса на следующей неделе.

– Хорошо. – Она вздохнула. – Прикована.

Несколько секунд, после того как она повесила трубку, я смотрел на стол и чувствовал слабую тошноту, а потом отложил мобильник. Едва я успел перевести дух, как дверь в кабинет открылась и вошел Тони.

– Плохие новости, приятель.

Я взглянул на него, вопросительно приподняв брови.

– У моей жены начались схватки.

У моих родственников было достаточно детей, чтобы я мог понять, что еще очень рано.

– С ней все в порядке?

Он пожал плечами.

– Ее приговорили к постельному режиму до появления ребенка. Так что я остаюсь в Лондоне.

Меня охватило облегчение. Тони хороший сотрудник, но деловые поездки в его обществе, как правило, означали подходы в стрип-клубы, а это было последним, чем мне хотелось заниматься месяц в Нью-Йорке.

Тони покачал головой.

– Я отправляю Руби.

Несколько секунд я соображал, кого он имеет в виду. «Ричардсон-Корбетт» не была крупной фирмой, но Тони нанимал столько молодых симпатичных стажеров, сколько позволял бюджет. Сейчас в его команде их было несколько, и я никак не мог их запомнить.

– Брюнетку из Эссекса?

На его лице явно выразились разочарование и зависть.

– Нет, очаровашку из Калифорнии.

О. Я понял, кого он имеет в виду. Ту, которая пришла мне на помощь сегодня, когда на меня напал не свойственный мне ступор.

Забавно, но отвлекла меня именно она. Она красotka.

Увы...

– Это которая переживала, что ты уедешь на месяц?

Мне показалось, что голова Тони аж увеличилась в размере, и он гордо улыбнулся:

– Точно.

– Неужели нужно посылать кого-то еще? – поинтересовался я. – Большая часть совещаний все равно будет посвящена логистике. Инженер не так нужен.

– Ну ты идиот. Уверен, что ты можешь брать ее с собой в бары смотреть на сиськи.

Я застонал про себя.

– Это не...

– И кроме того, – перебил он меня, – она такая секси. Может, тебе и не надо будет ходить по стрип-клубам, если ты приберешь Руби к рукам. Длинные ноги, классные сиськи, красивое лицо.

– Тони, – спокойно сказал я. – Я не собираюсь «прибирать к рукам» стажера.

– Может, тебе стоило бы. Если бы я не был связан по рукам и ногам, я бы точно это сделал. – Он умолк, и я попытался скрыть отвращение, вызванное тем, что его, похоже, больше волновала невозможность трахнуть Руби, чем то, что у его жены начались преждевременные роды. – Когда ты последний раз с кем-то встречался?

Я моргнул в ответ на его вызывающий вопрос и перевел взгляд на стол. Я ни с кем не встречался с момента развода, и если не считать одноразовой истории в пабе несколько недель назад, уже забыл, когда последний раз был с женщиной.

– Ладно, значит, ты остаешься здесь. – Я сменил тему. – А Руби едет в Нью-Йорк. Ты уже обсудил с ней план мероприятий?

– Я сказал, что главное мероприятие – это ты. Ходить с тобой по барам и развлекаться.

Я со стоном провел рукой по лицу.

– Черт побери.

Он рассмеялся, развернулся и пошел к выходу.

– Разумеется, я выдал ей план мероприятий. Я просто дразню тебя. Она хороша, Найл. Может впечатлить даже такого, как ты.

Я был в лифте и собирался домой, когда вошла Руби, едва успев до того, как закроются двери. Наши глаза встретились, я хрипло кашлянул, она задержала дыхание... и мысль о том, чтобы ехать вниз в напряженном молчании, показалась ужасной.

Лифт двигался слишком медленно.

Тишина давила.

Мы собираемся вместе ехать в командировку, и глядя на нее, молодую, энергичную и, это правда, нереально красивую, я подумал, что нам придется разговаривать, проводить время друг с другом, а есть мало вещей в этом мире, которые у меня получаются хуже, чем разговаривать с женщинами.

Она открыла рот, собираясь заговорить, но передумала. Когда она посмотрела на меня, а я взглянул на нее в ответ, она отвела глаза. Как только двери лифта распахнулись в вестибюле, я жестом предложил ей выйти первой, но вместо этого она чуть не прокричала:

– Кажется, мы едем вместе!

– Верно, – ответил я с застывшей улыбкой.

Пытайся, Найл. Попытайся перестать вести себя как робот хотя во время одного разговора.

Но нет. Мой мозг был как решето: из него высыпались все общепринятые любезности. А она все никак не выходила из лифта.

Надо покончить с этим. Я совершенно не пригоден для светской болтовни, а вблизи она еще более привлекательна, чем я думал. На несколько дюймов ниже меня, но вовсе не маленькая, гибкая и ладная, с короткими, игриво растрепавшимися золотистыми волосами, загорелыми щеками... и идеально красивым ртом.

Руби и правда шикарна. Непонятно почему я задержал дыхание.

Она пожала плечами и улыбнулась.

– Я родом из Соединенных Штатов, но я никогда не была в Нью-Йорке. Так что я очень рада.

– А... Да. – Я попытался придумать подходящий ответ и, осмотревшись по сторонам, выдавил: – Хорошо.

Я мысленно застонал. Плохо даже для меня.

Ее глаза были огромными, зелеными и такими ясными, что я по одному взгляду понял, что она не очень хорошая лгунья: вся ее душа читалась в этих глазах, а сейчас она очень волновалась.

Я вице-президент этой фирмы. Неудивительно, что она нервничает в моем обществе.

– Мы встретимся утром в аэропорту в понедельник? – спросила она, отводя взгляд. Облизала губы, и я сосредоточил внимание на точке посередине ее лба.

– Да, думаю, да, – начал было я и умолк. Мне надо организовать машину для нас обоих? Господи, если три минуты в лифте оказались такими тяжелыми, как я переживу сорокапятиминутное путешествие в Хитроу в замкнутом

пространстве? – Если только...

– Я не...

– Ты...

– Ой простите, – сказала она, покраснев. – Я вас перебила. Продолжайте.

Я вздохнул.

– Пожалуйста, продолжай.

Конец света. Я так хотел, чтобы она просто отодвинулась и дала мне пройти. Или чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

– Я могу встретить вас в аэропорту. – Она поправила ручку сумки и непонятно зажестичулировала. – У гейта, имею в виду. Это очень рано, вам не надо...

– Я и не буду... То есть я не стал бы...

Она непонимающе моргнула, смутившись, что неудивительно. Я совсем утратил нить нашего разговора.

– Хорошо. Да. Конечно... вы не стали бы...

Я взглянул за ее спину, где меня ждала благословенная свобода, а потом снова посмотрел на нее.

– Хорошо.

Дверь лифта зажужжала, но я придержал ее, и это звуковое сопровождение отлично сочеталось с самым нелепым разговором из всех возможных.

– Увидимся в понедельник. – Ее голос нервно подрагивал, а у меня на затылке проступил пот. – С нетерпением этого жду, – договорила она.

– Да. Хорошо.

Наклонив голову и мило покраснев, она вышла из лифта.

Мой взгляд ненамеренно скользнул следом за ней, остановившись на ее попе. Круглая, высокая, подчеркнутая гладкой темной юбкой. Я мог представить этот изгиб в своей ладони и все еще чувствовал исходящий от Руби запах розовой воды.

Я вышел в темный вестибюль и пошел следом за ней к выходу. Мои мысли сами по себе сосредоточились на том, как ее грудь будет ощущаться в моих ладонях, как ее губы прильнут к моим губам, как я проведу руками по ее попе. Я неплох в постели, так ведь? И хотя Порция каждый раз делала мне одолжение, занимаясь сексом, она всегда получала удовольствие...

Эта вспышка неконтролируемого интереса умерла, когда на лестнице появился Тони. Он подмигнул и поднял брови, бормоча себе под нос: «Сексуальная штучка», когда Руби завернула за угол. Вместо этого я ощутил приступ стыда за то, что позволил его предложениям укорениться в моем мозгу.

Я вырос в доме, где жили двенадцать человек, и летали мы нечасто. Как-то раз нас, нескольких детей, отвезли в Ирландию, а однажды, когда дома оставались только я и Ребекка, мамам и папа взяли нас в Рим посмотреть на папу римского, и во время сборов весь дом стоял на ушах. У нас были воскресные наряды – не такие шикарные, как те, которые мы надевали на рождественскую мессу, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, как нас одевали для перелета. Старые привычки трудно ломать, даже когда наряжаться приходится еще до восхода солнца, так что в половину пятого утра я приехал в Хитроу, одетый в костюм.

В отличие от меня Руби примчалась в последний момент, когда началась посадка и я уже паниковал, – в розовой флиске с капюшоном, черных спортивных штанах и ярко-голубых кроссовках. Я видел, как люди в толпе обращают на нее внимание. Не знаю, заметила ли это сама Руби, но почти все мужчины и многие женщины смотрели на нее, пока она шла к гейту.

Небрежно одетая и свежая, она покраснела с дороги и приоткрыла пухлые розовые губы, переводя дух.

Наткнувшись на меня, она замерла, и ее глаза стали размером с чайные блюдца.

– Черт. – Она прикрыла рот рукой и пробормотала: – Вот дерьмо. У нас что, встреча сразу после приземления? – Она начала копаться в телефоне. – Я выучила расписание и готова поклясться...

Я сдвинул брови. Она выучила наше расписание?

– Я... вы слишком официально одеты для самолета. Чувствую себя бомжом рядом с вами.

Я задумался, чувствовать ли себя польщенным или оскорбленным.

– Ты не похожа на бомжа.

Она застонала, закрыв лицо руками.

– Это длинный перелет. Я думала, мы будем спать.

Я вежливо улыбнулся, хотя мысль о том, чтобы спать рядом с ней в самолете, вызвала странное тянущее чувство в животе.

– Мне надо поработать до приземления. Так что я оделся соответственно.

Я сомневался, кто из нас неправильно выбрал одежду для путешествия, но глядя на остальных пассажиров, я начал понимать, что это я.

Бросив последний подозрительный взгляд на мой костюм, она отвернулась и пошла по проходу самолета к нашим местам. Убрала свою сумку на полку. Я изо всех сил старался не глазеть на ее зад... напрасно.

Господи боже мой. Он потрясающий.

Ничего не заметив, она повернулась ко мне, и я как раз вовремя успел поднять взгляд и посмотреть ей в лицо.

– Хотите сидеть у окна или в проходе? – спросила она.

– Все равно.

Я снял пиджак и передал его стюардессе, наблюдая, как Руби проскользнула к окну и убрала айпад и книгу, оставив при себе только маленькую записную книжку.

Мы сели, посадка еще продолжалась, а между нами уже повисло тягостное молчание. Господи. Нам предстоит не только лететь шесть часов, но и провести четыре недели вместе в Нью-Йорке на саммите.

Четыре недели. Мне поплохело.

Наверное, я мог бы спросить, нравится ли ей в «Ричардсон-Корбетт» или как долго она живет в Лондоне. Она не в моем подчинении, но она работает у Тони, поэтому я не сомневаюсь... что это нескучно. Я мог бы спросить, где она выросла, хотя Тони мне говорил, что в Калифорнии. По крайней мере, это могло бы растопить лед.

Но тогда нам придется поддерживать разговор, а это ни к чему хорошему не приведет. Лучше оставить все как есть.

– Желаете напитки перед взлетом? – спросила стюардесса, раскладывая салфетку на моем столике.

Я уступил право выбора Руби, и она придвинулась ближе, обращаясь к стюардессе. Ее грудь прижалась к моей руке, и я оцепенел, изо всех сил стараясь не шевелиться.

– Шампанского, пожалуйста, – сказала Руби.

Стюардесса неловко улыбнулась и кивнула. Судя по всему, шампанское – не самый обычный напиток, который они разливают до пяти утра. Затем она повернулась ко мне.

– Я... – я замялся. Тоже заказать шампанское, чтобы она не чувствовала себя так неловко? Или соблюсти рабочие приличия и попросить грейпфрутовый сок, как я собирался изначально? – Что ж, полагаю, если это не очень сложно, я бы тоже...

Руби подняла руку.

– Я пошутила. Простите! Глупая шутка. – Она закрыла глаза и застонала. – Я буду апельсиновый сок.

Я обменялся недоумевающими взглядами со стюардессой и сказал:

– Мне грейпфрутовый, пожалуйста.

Приняв заказ, стюардесса ушла, а Руби повернулась ко мне. Что-то в ее лице, искренность и незащищенность в глазах... вызвали у меня желание заботиться о ней, совершенно мне несвойственное.

Она моргнула и с таким напряжением уставилась на свой столик, что я испугался, что он сейчас треснет под ее взглядом.

– Все хорошо? – спросил я.

– Просто... извините. И да. Я... – Она помолчала и снова заговорила: – Я не собиралась заказывать шампанское. Вы и правда так подумали?

– Ну... – Она же все-таки заказала его, хоть и в шутку. – Нет? – Я понадеялся, что это правильный ответ.

– Дурацкая шуточка, – прошептала она, отмахиваясь. – Я вечно веду себя как идиотка рядом с вами.

– Только со мной?

Она поникла, и я понял, как это прозвучало.

– Нет... Я... не понимаю, что ты имеешь в виду. Я никогда не видел, чтобы ты вела себя как идиотка.

– В лифте?

Улыбаясь, я признал:

– Да.

– И прямо сейчас?

Что-то внутри меня шевельнулось.

– Я могу чем-нибудь помочь тебе?

Она моргнула в ответ, и в ее взгляде промелькнула едва уловимая нежность. А потом она опять моргнула, встряхнула головой, и все исчезло.

– Все хорошо. Просто нервничаю из-за командировки с директором по стратегии и все такое.

Желая помочь ей расслабиться, я спросил:

– Где ты проходила дипломную практику?

Она сделала глубокий вдох и повернула лицо ко мне.

– В «ЮС Сан-Диего».

– Инженерия?

– Да. С Эмилем Санторини.

Я приподнял брови.

– Непростой человек.

Она заулыбалась.

– Он потрясающий.

Мне стало весьма интересно.

– О нем так отзываются только блестящие студенты.

– «Сделай прорыв или вылетишь», – сказала она, пожав плечами и с широкой улыбкой принимая апельсиновый сок из рук стюардессы. – Так он сказал нам в первую же неделю в лаборатории. И оказался прав. В начале нас было трое. К первому же Рождеству я осталась одна.

– Почему ты приехала в Лондон? – спросил я, догадываясь, какой ответ услышу.

– Надеюсь попасть в программу по городской инженерии. Меня уже взяли на общее машиностроение, но я еще не получила вестей от Маргарет Шеффилд и не знаю, попала ли я в ее группу.

– Она принимает решение только в начале семестра. Если мне не изменяет память, студенты от этого с ума сходили.

– Мы, инженеры, любим календари, Эксель и планы. Мы не самые терпеливые ребята.

Я улыбнулся.

– Как я и сказал. С ума сходите.

Она закусила губу, потом улыбнулась.

– Но вы у нее не учились.

– Официально нет, но она была моим руководителем в большей степени, чем мой настоящий наставник.

– Сколько времени прошло после того, как вы получили диплом, и до ухода Петерсена на пенсию?

Я удивился. Что она знает о моем факультете? Обо мне?

– Полагаю, ты уже знаешь ответ на этот вопрос.

Она глотнула сок и тихо произнесла с извиняющимся видом:

– Я знаю, что вы были его последним студентом, но мне просто интересно знать, насколько это было плохо.

– Ужасно, – признался я. – Он был алкоголиком и даже хуже – отвратительным человеком. Но это было почти десять лет назад. Ты была ребенком. Откуда ты все это знаешь?

Она слегка поджала губы, и я почувствовал, как по моей коже распространяется тепло. Господи. Какая она красивая.

– Один ответ заключается в том, – улыбаясь, начала она, – что на втором курсе я узнала о работах Маргарет Шеффилд, когда нам устроили экскурсию в один из домов ее постройки. Я была одержима желанием поучиться у нее, пока она не ушла на пенсию. Когда я спросила Эмиля насчет нее, он кое-что рассказал и о вашем факультете. – Пожав плечами, она добавила: – И я слышала несколько историй о Петерсене.

Я склонил голову набок, задумавшись, какие из старых историй до сих пор живы.

– Он бросил бутылку в студента? – спросила она.

А. Эта легенда не умрет никогда.

– Да, но не в меня. Самое худшее, что мне доставалось, – это словесные оскорбления.

Руби с облегчением кивнула.

Она сказала, что это «один ответ».

– А другой ответ? – поинтересовался я.

Несколько секунд она смотрела в окно, перед тем как ответить.

– Я оказалась в «Р-К» и узнала, что вы учились в Оксфорде. И подумала, не были ли вы в программе Мэгги. Оказалось, что нет... но я все равно кое-что о вас узнала.

В ее словах был какой-то подтекст, и на миг я подумал, что мне понятен ее недавний нежный взгляд. Но потом она снова ко мне повернулась с блуждающей улыбкой на губах.

– Вы удивитесь, как много можно узнать, просто держа ушки на макушке.

– Просвети меня.

Сев прямо, она начала:

– Вы пришли из лондонского метро и организовали департамент городского планирования. Вы учились в Кембридже, потом получали последипломное образование в Оксфорде и стали самым молодым топ-менеджером в истории метро. – Руби робко улыбнулась мне. – Вы чуть не переехали в Нью-Йорк работать в «МТА», но отказались и пришли в «Р-К».

Приподняв бровь, я пробормотал:

– Впечатляет. Что еще ты знаешь?

Она отвела глаза и вспыхнула.

– Вы выросли в Лидсе. Были звездой футбольной команды в Кембридже.

Она выяснила все это вчера вечером? Или еще раньше, до того, как узнала о командировке? И какой ответ я бы предпочел? Подозреваю, мне это известно.

– Что еще?

Поколебавшись, она добавила:

– Вы водите «Форд Фиесту», и как по мне, это очень забавно, с учетом того, что вы зарабатываете, наверное, больше, чем королева английская, плюс вы известны как стойкий приверженец общественного транспорта, но никогда им не пользуетесь. Еще? Не знаю, как вы умещаетесь в «Форд Фиесту». И вы недавно развелись.

Я сжал челюсти, и мое веселье по поводу ее исследований быстро улетучилось.

– Можно было бы предположить, что такие подробности не обсуждаются на работе и не являются достоянием широкой общественности в интернете.

– Простите. – Руби поморщилась, и я увидел, как она съежилась на своем сиденье. – Я забыла, что не все выросли в семье двух психотерапевтов. Не все мы – открытые книги.

– Мне хочется задать вопрос, как ты узнала о моем разводе, но полагаю, что офисная болтовня...

– Я думаю, что когда я пришла, как раз все это происходило и люди говорили... – Она выпрямилась и взглянула на меня широко распахнутыми извиняющимися глазами. – Но сейчас это не тема для обсуждения, правда.

Могу себе представить, до какой степени я был не в духе, когда Руби пришла к нам на работу. К тому времени Порция так достала меня своими драматическими выступлениями, что мне хотелось спрятаться. Я решил сменить тему:

– У тебя есть братья или сестры или ты одна у своих психотерапевтов?

– Брат, – ответила она и глотнула сока. – А у вас?

– Что? Хочешь сказать, ты не в курсе?

Она рассмеялась, но выглядела при этом смущенной.

– Если бы я попыталась разузнать и такие подробности... это уже пахло бы stalkingом.

Подмигнув, я произнес:

– Может быть.

Она выжидающе смотрела на меня, и когда самолет начал ускоряться перед взлетом, я заметил, что она вцепилась в ручки кресла. Она дрожала.

Болтовня казалась хорошим способом отвлечь ее.

– На самом деле у меня девять братьев и сестер, – сказал я.

Она подалась ко мне, и у нее отвисла челюсть.

– Девять?

Я настолько привык к подобной реакции, что даже не моргнул.

– Семь сестер и два брата, а я предпоследний.

Ее лоб нахмурился, пока она переваривала эту информацию.

– Мой дом был таким тихим и спокойным... Не могу себе представить ваше детство.

Рассмеявшись, я заметил:

– Поверь мне, ты не сможешь.

– Восемь старших братьев и сестер, – пробормотала она сама себе. – Наверняка временами это все равно что иметь восемь родителей.

– Временами да, – признал я. – Мой старший брат Дэниел был миротворцем. Держал нас всех в узде. Думаю, что тот факт, что девочек было больше, чем мальчиков, тоже способствовал миру. Как правило, мы вели себя довольно прилично. Главным шалуном был мой брат Макс, но ему все сходило с рук, потому что он был милашкой. По крайней мере, он это так преподносит. Я был спокойным ботаником. Довольно скучным.

Секунду она сидела неподвижно, наблюдая за мной, потом попросила:

– Расскажите еще.

Я откинул голову на спинку кресла и глубоко вдохнул, успокаиваясь. Прошли годы с тех пор, как я последний раз так непринужденно болтал с какой-то женщиной, кроме Порции, сестры или жены друга. Она проявляла искренний интерес и давала мне чувство уверенности, которое я очень давно не испытывал.

– Обычно мы все делали вместе. Организовывали рок-группу. Решали написать детскую книжку. Однажды мы разрисовали стенку дома пальчиковыми красками.

– Не могу себе представить вас и пальчиковые краски.

Я с преувеличенным драматизмом пожал плечам и улыбнулся в ответ на ее радостный смех. В ее глазах что-то было, какое-то облегчение, отчего я начинал испытывать к ней нежность.

Я продолжил совершенно несвойственную мне болтовню, но она слушала меня очень внимательно, задавая вопросы о Максе, о моей сестре Ребекке, о наших родителях. Она интересовалась моей жизнью за пределами работы, так что когда я с дразнящей улыбкой сказал, что ей уже известно о разводе, она спросила, как мы познакомились с бывшей женой. Как ни странно, это казалось совершенно естественным – рассказать, что мы с Порцией познакомились, когда нам было по десять лет, влюбились друг в друга в четырнадцать и поцеловались в шестнадцать.

Я только умолчал о том, что магия начала исчезать три года спустя, в день нашей свадьбы.

– Наверное, это так странно – быть с кем-то столько лет и потом увидеть, как это заканчивается, – тихо произнесла она, отвернувшись к окну. – Даже не могу себе это представить. – Челка упала ей на глаза; в аккуратном ухе блестела маленькая бриллиантовая сережка. Оглянувшись, она продолжила: – Мне очень жаль, что люди в офисе обсуждали эту тему. Должно быть, это такое вмешательство в личную жизнь.

Я отвел взгляд и промолчал. Любой возможный ответ был бы слишком личным.

Это не странно, и наверное, в этом и заключается самая большая странность.

Я так давно одинок. Почему именно сейчас это меня так беспокоит?

Я никогда не думал, что буду разговаривать на эту тему, и тем не менее. Хочешь, спроси меня еще.

Но через некоторое время молчание стало неловким. Но я видел, что она смотрит в окно, расслабленная и спокойная, и с облегчением понял, что неловкость испытываю только я. Напряжение отпустило меня. Что-то в ней действовало на меня успокаивающе.

С удивлением я подумал, как мне нравится ее общество.

Через некоторое время Руби уснула. Ее тело медленно клонилось в мою сторону, и наконец голова опустилась мне на плечо. Я повернулся, уговаривая себя, что просто хочу посмотреть в окно, но на самом деле воспользовался возможностью вдохнуть легкий цветочный аромат, исходящий от ее волос. Вблизи ее кожа была идеальна. Светлая, с россыпью веснушек на носу, чистая и прекрасная. Губы влажные, ресницы темные.

В руке она сжимала маленькую фирменную записную книжку «Ричардсон-Корбетт» и ручку. Я аккуратно высвободил их из ее хватки и – вопреки своим лучшим порывам – не сдержал любопытство и открыл записную книжку. На

первой странице было что-то вроде рабочих заметок. Наше расписание, ссылки на инженерные фирмы и проекты в наших краях, список людей, с которыми она хочет встретиться в Нью-Йорке, и заметки на тему, как она может использовать эту конференцию для составления тезисов для Маргарет Шеффилд. Судя по всему, она тщательно записала все, что говорил ей Тони.

Внизу аккуратным почерком она написала:

Пункт № 1: Не води себя как идиотка рядом с Найлом Стеллой. Не пялься на него, не мямли и не молчи. Ты справишься. Он человек.

Только тогда мне пришло в голову, что эта записная книжка – скорее всего, дневник, а не рабочая тетрадь. Она так беспокоилась по поводу путешествия с вице-президентом, что сделала себе эту напоминалку.

Вернув тетрадь на место, я закрыл глаза и наклонил голову к ней, молча извиняясь за нарушение ее пространства.

Мне снилось, как она прижимается к моей обнаженной груди и целует меня, а ее губы на вкус как шампанское.

Глава 3

Руби

Я проснулась от звука голоса стюардессы, объявляющей, что мы скоро совершим посадку в Нью-Йорке.

Я открыла глаза и тут же поморщилась. Прямо в лицо мне дула струя холодного сухого воздуха, а где-то сзади гудел двигатель. В кресле было неудобно, не говоря уже о том, что мне ужасно хотелось в туалет, но почему-то...

Мне было так уютно. Рядом было кто-то теплый, твердый и вкусно пахнущий и...

Я резко выпрямилась, отстраняясь от руки Найла Стеллы. О господи! Я что, и правда закинула ногу ему на колено?

Мало мне было лифта, теперь еще и это? О господи? Неужели в прошлой жизни я ударила щенка или совершила еще какой грех? За что мне это наказание?

Я осторожно отодвинулась от него и осмотрелась, осознавая, что понятия не имею, который час. В салоне было темно, и я заметила, что большинство пассажиров спят, загораживая свет, падающий в иллюминаторы. Пригладив волосы, я потянулась и попыталась расслабить затекшие мышцы. Шея пройдет, но с туалетом надо что-то делать. Скорее раньше, чем позже.

Я откинулась на спинку кресла, положив влажные ладони на колени, и попыталась понять, что происходит. Вчера Найл Стелла не знал о моем существовании. Сегодня я лечу в Нью-Йорк чуть ли не в его объятиях. За сутки Руби-Миллер-тайная-поклонница превратилась в Руби-Миллер-компаньонку-в-международной-поездке.

Не говоря уже о том, что я спала на нем, а кое-какие его части тела спали на мне.

Он не пошевелился. Это плохо, если подумать о туалете, но прекрасно, потому что когда еще мне представится такая возможность? Если не считать еженедельного часового совещания, я ни разу не имела возможности рассмотреть его поближе. На встречах нас всегда окружали другие люди, либо мы быстро проходили мимо друг друга в коридоре. Один раз я стояла за ним в очереди в буфет во время корпоративной вечеринки, но все, что мне тогда досталось, – шикарный вид его задницы в брюках. Но я не жалеюсь. Найл Стелла играл в американский футбол и каждую субботу ходил в гребной клуб на Темзе. Его задница входила в десятку моих любимых частей тела Найла Стеллы (но первое место пока оставалось вакантным).

А сейчас я была так близко, что могла сосчитать его ресницы. Примерно этим я и занималась.

Найл Стелла был ненамного старше меня – всего лишь на семь лет, но сейчас он выглядел таким юным. На затылке его волосы пришли в легкий беспорядок, а челка падала на лоб, блестящая и мягкая. Светло-зеленая рубашка немного

помялась, а на плече было какое-то темное пятно.

В том месте, где я пускала слюни.

О господи.

Я утерла лицо, ругаясь на чем свет стоит, потому что он был таким теплым и уютным и что я крепко уснула на нем и пускала слюни на его шикарный костюм, который он не поленился надеть в полпятого утра. Я аккуратно промокнула пятно, надеясь, что он ничего не заметит. Невезуха. Мало того, что это не помогло. Он еще и проснулся и обнаружил, что мое лицо находится в нескольких дюймах от него.

Я улыбнулась.

– Привет.

Он несколько раз моргнул, потом его глаза расширились, взгляд упал на салфетку в моей руке, а потом на его плечо.

– Простите, – пробормотала я и нервно хихикнула. – Я та еще соня.

Он улыбнулся, и я заметила намек на ямочки на его щеках.

– Бывает.

Мне хотелось ударить себя по щекам за мысль, которая тут же пришла мне в голову. Мне хотелось оседлать его узкие твердые бедра. Черт тебя побери, Руби. Ты что, не читала пункт № 1 в своем дневнике? Не веди себя как идиотка рядом с Найлом Стеллой.

Он потянулся, явно не замечая, что я таю в его присутствии.

– Кажется, я тоже уснул... прости...

– О боже, нет, Все в порядке. Вы выглядели пре... – заговорила я, потом заткнулась. – Мы скоро приземлимся, мне надо переодеться.

Не ожидая, пока он подвинется, я встала и по пути к выходу оказалась верхом на нем. Он попытался было встать, но осознал, что я – женщина на пути к спасению и что если он встанет, его промежность аккуратно прижмется к моей, так что он просто изо всех сил вцепился в подлокотники кресла. Моя задница оказалась аккуратно напротив его лица, но полагаю, что это лучше, чем тереться половыми органами.

Ну и ситуация.

Я не смотрела на него, снимая сумку с полки над головой и как можно быстрее отступая в сторону ближайшего туалета.

Оказавшись в безопасности, я выдохнула – кажется, впервые за последние не знаю сколько минут. Почему я совершенно не в состоянии вести себя по-человечески рядом с ним?

– Возьми себя в руки, – велела я своему отражению и открыла сумку. У меня есть все, что мне надо; к несчастью, мысль о том, чтобы переодеться в туалете самолета, довольно трудно осуществить.

Я ударилась головой о раковину, снимая штаны. Когда я подняла ногу, надевая юбку, мы оказались в зоне турбулентности, и я чуть не рухнула на унитаз, но обошлось тем, что я просто ударилась о дверь. Мне потребовалось десять минут, чтобы одеться и привести в порядок волосы, и я даже не сомневалась, что все пассажиры первого класса, а может, и не только они, с нетерпением посматривали на туалет, думая, что же здесь происходит. Но, высоко подняв голову, я вышла в салон и заняла свое место.

Спокойствие, которое сохранял Найл Стелла, не добавило мне уверенности.

Он не взглянул на меня, но вместо этого смотрел перед собой. Пробормотал:

– Все в порядке? – когда я садилась на место и застегивала ремень.

– Прекрасно, – солгала я. – Оказавшись в крошечном замкнутом пространстве, я решила, что самое лучшее занятие – потанцевать.

Сначала улыбка лишь слегка тронула уголки его губ, а потом он захохотал.

– Я занимался чем-то вроде этого, пока ты отсутствовала.

Что-то внутри меня растаяло, и я с трудом сдержалась, чтобы не повернуться к нему, не взять его лицо в ладони и не забыть обо всем.

Самолет приземлился на десять минут раньше расписания. Пассажиры начали вставать и доставать вещи с полок, а я стояла перед Найлом, пока мы ждали, чтобы нас выпустили наружу.

Я оглянулась на него, желая убедиться, что все хорошо. Но он не взглянул на меня. Он упорно смотрел на потолок.

Что-то было не так.

Шесть месяцев я работала в одном здании с Найлом Стеллой, и он никогда не замечал меня. Сейчас все было иначе. Это не рассеянная невнимательность, которую я видела раньше. Он намеренно избегал меня. Он суетился, что-то делал, и если бы он мог оттолкнуть меня и убежать к такси, он бы так и поступил.

Пассажиры первого и экономического класса выходили через одну дверь, и я снова повернулась к нему с улыбкой, пока мы ждали, чтобы люди, стоящие перед нами, вышли.

– Мы немного рано, поэтому наш водитель мог еще не приехать, – сказала я.

Он заглянул в мои глаза и быстро отвел взгляд.

– Хорошо, – ответил он.

Ла-а-а-адно.

Я повернулась на каблуках и пошла по проходу самолета, но тут женщина рядом со мной дернула меня за юбку.

– Только между нами, девочками, – прошептала она, и я в замешательстве посмотрела на нее. – У вас юбка задралась.

ЧТО?

Она наклонилась ко мне, и у меня вся кровь отхлынула от лица.

– Правда, мне кажется, что этот джентльмен за вами совершенно не против.

Я протянула руку назад и почувствовала только голую кожу. Отчаянно дернула подол юбки, высвобождая его из пояса, за который она зацепилась, демонстрируя всему салону мой зад.

Тревога! Руби, опять!

Я поблагодарила ее и пошла по проходу с сумкой, отчаянно надеясь, что пол развернется и поглотит меня. Когда мы вышли в терминал, я устроила целое представление, копаясь в сумке в поисках незнамо чего, так что Найлу Стелле пришлось идти передо мной и мне не надо было постоянно бороться с желанием проверить, на месте ли юбка.

Он видел твою задницу.

Зачем ты надела стринги?

Он видел твою голую жопу, Руби.

Мы стояли бок о бок в ожидании багажа, и, честно говоря, я не знаю, кто из нас был в большем ужасе. Он все видел, без вариантов. Я это знаю. А он знает, что я знаю.

Я пялилась на ленту в ожидании своего чемодана и тут почувствовала, что он придвинулся ближе.

Он пах свежим мылом и кремом для бритья, а когда он заговорил, его дыхание отдавало мятой.

– Руби? Прости... У меня плохо ладится... – Он помолчал, и я повернулась и заглянула в его глаза. Мы так близко. Я заметила зеленоватые и желтые пятнышки в его карих глазах и почувствовала, как у меня сердце уходит в пятки, когда он посмотрел на мой рот. – Плохо ладится дело с... женщинами.

Унижение в моей душе сменилось чем-то более теплым, спокойным и бесконечно сладким.

Я уже бывала в больших городах – Сан-Диего, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Лондоне, но я более чем уверена, что они совершенно не сравнятся с Нью-Йорком.

Все такое огромное, на крошечных клочках земли вздымаются высоченные здания. Дома заслоняют небо, оставляя только серо-голубую полосу прямо над головой. И здесь шумно. До сих пор я никогда не слышала, чтобы машины все время гудели, но при этом на улицах никто не обращал на это внимания. Воздух наполнен какофонией шумов и криков, и пока мы шли от четвертого терминала аэропорта Кеннеди к машине, а от машины до двери-вертушки, ведущей в «Паркер Меридиен», я не видела ни единого человека, кому мешал бы этот шум.

Пока мы пересекали вестибюль, Найл следовал за мной на приличной дистанции – достаточно близко, чтобы дать понять, что мы вместе, но вместе не в этом смысле. Потом мы зарегистрировались и получили ключи от номеров. Я приехала в качестве коллеги Найла, не подчиненной и не помощницы... и не его друга, поэтому мне не сказали ни номер его комнаты, ни какого размера у него кровать. Он даже не попрощался со мной толком; у него зазвонил телефон, и он просто вежливо кивнул в мой адрес и скрылся в коридоре.

Я задумалась и растерялась, поэтому когда кто-то рядом со мной вежливо кашлянул, чтобы проводить меня в номер, я подпрыгнула.

Когда я оказалась в лифте, на меня навалилась усталость этого дня и мне пришло в голову, что я на ногах с трех часов утра и лишь совсем недолго вздремнула на плече у Найла. Экран в стене лифта показывал старый мультфильм: Том ударил Джерри по голове молотком, а потом они гонялись друг за другом вокруг деревянной бочки. Тут лифт остановился на одиннадцатом этаже, и я почувствовала, что у меня слипаются глаза.

Я последовала за портье по коридору, он открыл дверь в мой номер. В центре комнаты располагалась огромная кровать-платформа, на которой вполне могли разместиться четыре человека, а напротив нее висел огромный плоский телевизор. В одном углу стояли кресла в стиле ар-деко, напротив было окно во всю стену и длинный стол прямо под ним.

Кровать словно явилась из сладких снов: хрустящие простыни, пышные подушки, и мое тело заныло от желания упасть лицом на одеяло. К несчастью, я знала, какая тяжелая штука джетлаг и что спать сейчас никак нельзя.

Черт возьми. Второй раз за сегодня я просыпаюсь после крепкого сна. И пускаю слюни.

Комната, в которой я находилась, была практически темной, и секунду я не могла понять, где я. Потом до меня дошло: в Нью-Йорке, в отеле.

С Найлом Стеллой.

Я вспомнила, как приняла душ, переоделась в халат и решила, что прикрою глаза ненадолго, пока не придет обслуживание номеров, и вот, пожалуйста. Уснула.

Со стоном я встала, потягиваясь застывшими мышцами и утирая лицо рукавом халата. Да уж, если я сплю, то сплю.

Пока мои глаза привыкали к темноте, я раздвинула шторы и заставила себя найти телефон. Пришли две смски от мамы, интересующейся, приземлилась ли я, и одна от Лолы. Поскольку весь день мой телефон был отключен, я задержала дыхание, проверяя почту.

Завтрашняя встреча: надо прочитать.

Мысли от Тони: подождет до завтра.

Распродажа в «Виктории Секрет»: о, точно не сейчас.

Письмо от помощницы Найла: что-что?

Она прикрепила обновленное расписание на завтра, указала время, во сколько мы встречаемся в вестибюле отеля, и добавила несколько пунктов, которые мне надо было знать. В письме также был номер его мобильного «на случай проблем».

Я уставилась на экран телефона.

У меня есть номер Найла Стеллы.

Осмелюсь ли я им воспользоваться? Поскольку я явно проспала обед, можно написать ему смску и спросить, не хочет ли он поужинать. Но это вряд ли относится к категории «проблем», какой бы голодной я ни была. И поскольку он не распорядился, чтобы его помощница спросила меня насчет обеда, остается предположить, что каждый из нас должен позаботиться о себе сам.

Только сейчас я поняла, что у меня в голове крутятся черт знает какие мысли о месяце в Нью-Йорке: мы в нашем временном офисе, мы гуляем по Бродвею, увлеченно обсуждаем работу за ужином в шикарных ресторанах. Я представила, как он будет смеяться над моими остроумными шутками, сидя вечером за пивом, и как мы будем обмениваться понимающими взглядами во время официальных встреч.

Но реальность заключается в том, что, скорее всего, мне придется сидеть в задней части комнаты, полной народу, и делать заметки, а потом возвращаться в одиночестве в номер и ужинать.

Я не могу написать ему смс и определенно не хочу снова звонить в обслуживание номеров.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале напротив ванной, и упс! На голове бардак, тушь размазалась, на щеках от виска до подбородка отпечатались подушки. Я выглядела лучше после ночной тусовки в колледже. Если я не хочу тратить время на то, чтобы привести себя в более-менее презентабельный вид, придется ограничиться чипсами и диетической колой из автомата.

Сунув в карман халата несколько купюр и монет, я приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Там было на удивление темно, и коридор казался на удивление незнакомым (привет, джетлаг!): на стенах были обои с темным узором, на каждой двери – крошечная светящаяся табличка и звонок.

На некотором расстоянии я заметила автомат со льдом и на цыпочках вышла из номера, закрыв за собой дверь. Ковер под босыми ногами был мягким и толстым, и я вспомнила, что под халатом на мне ничего нет. Я прислушалась, но в соседнем номере не было слышно ни голосов, ни звука телевизора. Слишком тихо, слишком спокойно. Передо мной простирался зловещий темный коридор. Я сделала несколько шагов, щуря глаза в ожидании появления чего-нибудь неожиданного.

– Руби?

Я вскрикнула от неожиданности, дернулась и зажмурилась, когда узнала голос. Подумала, стоит ли оборачиваться. Может, лучше убежать. Может, притвориться, что это не я, он поймет, что ошибся, и вернется в свой номер.

Не повезло.

– Руби? – недоверчиво повторил он. Нормальные люди не бегают по коридорам роскошных отелей босиком и в махровых халатах. И о боже, судя по ветерку, пробирающемуся под халат, кондиционер тоже удивился моему появлению.

Однако это приятно.

– Привет! – сказала я, перестаравшись с жизнерадостностью, и повернулась к нему лицом.

Найл Стелла удивленно отступил на шаг назад, споткнувшись и чуть не упав спиной назад в дверной проем номера, который оказался рядом с моим.

У нас общая стена... может быть, даже стена ванной... где он принимает душ... обнаженный.

Сосредоточься, Руби!

Я решила вести себя неофициально.

– Как дела? Я вышла поискать чего-нибудь съестного... – сказала я, поигрывая с поясом халата, но тут поняла, как это выглядит со стороны. Я бросила пояс, словно обжегшись.

– Чего-нибудь съестного? – повторил он.

Я прислонилась к стене.

– Угу.

Найл Стелла окинул взглядом коридор и потом снова посмотрел на меня, рассматривая мой халат. И может быть, только может быть, если я не ошибаюсь, его взгляд задержался на моей груди. В том месте, где полы халата слегка расходились, обнажая округлости.

Похоже, мы одновременно подумали об одном и том же.

Его глаза переместились на мой лоб, а я ухватилась за полы халата. Если так дело пойдет и дальше, к концу недели Найл Стелла увидит меня голышом.

– В автомате, – объяснила я, убирая прядь волос за ухо и мысленно застонав при мысли о том, как я выгляжу. – Я хочу купить чипсов.

Он осмотрелся по сторонам с преувеличенно внимательным видом.

– Вряд ли в таком месте найдутся «Фритос», – сказал он, зарумянившись, и на его губах появилась едва заметная улыбка. – Бары – да. Икра – определенно. Только нужен подходящий костюмчик.

Он шутит со мной.

Мой брат – мой лучший друг, его друзья – мои друзья, и по части шуток у меня все в порядке. Я умею поддразнивать парней. Умею и могу не выглядеть при этом идиоткой. И не думать о том, как мне хочется его трахнуть. Возможно. Вот только он одет в угольно-черный костюм, мой любимый, и в темную рубашку без галстука. Я ни разу не видела его без галстука, и мне потребовалось сверхъестественное напряжение сил, чтобы смотреть ему в лицо, а не на узкую полоску кожи в расстегнутом воротнике.

Я заметила, что на груди у него растут волосы, и у меня зачесались пальцы от желания прикоснуться к ним. Ой, он ведь ждет моего ответа.

– Вам повезло, что я по крайней мере надела халат, – заметила я. – Обычно я ем «Фритос» голая на диване.

Его брови чуть шевельнулись, но он сохранял стоическую невозмутимость на лице.

– Предполагаю, что этого требуют инструкции на пакете. К сожалению, для икры это не годится.

– И для баров, – добавила я, и он рассмеялся.

– О да.

Пожав плечами, я оглянулась на дверь своей комнаты.

– Пожалуй, я посмотрю, что из еды они предлагают в номер.

– Я собираюсь вниз, – сказал он, – пойдем со мной?

Мои глаза стали размером с чайные блюдца, и я дернула головой в его сторону.

– Что?

Он сконфуженно нахмурился и очень медленно повторил:

– Я собираюсь в ресторан поужинать. Не хочешь присоединиться?

– О! – ответила я, с трудом вдыхая и выдыхая. – Вы будете ужинать внизу?

– Ты же сказала, что это твой первый раз? – начал он, и мы оба осеклись, перед тем как он торопливо добавил: – В Нью-Йорке. Твой первый раз в Нью-Йорке.

– М-м, да, – ответила я и плотнее запахнула халат в районе шеи.

– Может, ты... – снова начал Найл, замолчал и протянул руку к шее, словно хотел поправить отсутствующий галстук. Уронил руку. – Я собираюсь встретиться с братом. Он и его жена живут здесь, и мы решили поужинать с ними и его деловыми партнерами. Не хочешь присоединиться?

У него здесь брат? У меня появился еще кусочек информации, и мне ужасно захотелось пойти с ним, пусть даже позже я себя за это возненавижу. Я покачала головой. Не буду мешать.

– Я думаю, не стоит...

– На самом деле ты сделаешь мне одолжение, – перебил он меня. – Мой брат Макс – человек непростой. – Найл снова помолчал, что-то обдумывая, а потом качнул головой и продолжил: – Ты будешь приятным отвлечением.

Поскольку идиотка – мое второе имя и к тому же для меня самое милое дело при любом взаимодействии с ним вести себя неуклюже или демонстрировать обнаженные части тела, я неприлично долго стояла и просто моргала.

– Конечно, если ты не...

– Нет-нет! Простите... Дайте мне десять минут на то, чтобы переодеться, и... – я жестом указала на воронье гнездо у себя на голове.

– Десяти минут тебе хватит? – скептически уточнил он.

Господи, он снова меня поддразнивает.

– Десять минут. – Я утвердительно хмыкнула. – Двенадцать, если вы не хотите, чтобы у меня снова задралась юбка.

Найл издал хриплый смешок, изумивший нас обоих, а потом взял себя в руки.

– Хорошо. Я подожду в вестибюле. Увидимся через десять минут.

Ни один человек в мире никогда не переодевался с такой скоростью, как я.

Как только за ним закрылись двери лифта, я бросилась в комнату. Сбросив халат, я выхватила синее трикотажное платье из чемодана и бросилась в ванную. Протерла лицо влажной салфеткой. Со скоростью света намазалась увлажняющим кремом, консилером и напудрилась. Нанесла на волосы чуть-чуть средства для укладки и включила фен, вытягивая одну прядь за другой. Плойка нагрелась за считанные секунды, я уложила несколько локонов и выключила ее. Почистила зубы, нанесла румяна, несколько взмахов туши, накрасила губы блеском. Я надела платье, когда у меня оставалось еще пять минут в запасе. Но я забыла надеть белье, поэтому я их потратила на то, чтобы найти в чемодане трусики, лифчик, переносную зарядку для телефона и туфли на удобном каблуке.

Я взяла сумочку, дважды проверила, что моя одежда в порядке, и с глубоким вдохом и краткой молитвой пошла к лифту.

Глава 4

Найл

Когда она вышла из лифта, я уставился на нее, утратив дар речи. Она уложилась в десять минут и выглядела... потрясающе. Я одновременно был рад ее обществу и недоволен тем, что это небольшое осложнение – присутствие Руби – нарушит то, что иначе могло бы стать сухой, механической и легкой деловой встречей.

Сглотнув, я сделал жест в сторону входа в «Нейв».

– Перекусим?

– О да, – ответила она, и ее широкая улыбка, вибрирующее от предвкушения тело вышибли последние мысли из моей головы. – Я в состоянии съесть целую корову. Надеюсь, у них есть стейк размером с вашу грудь.

Я удивленно приподнял брови.

Она рассмеялась, копаясь в сумочке, и пробормотала себе под нос:

– Клянусь, обычно я веду себя более культурно.

Я хотел возразить, что жизнерадостность Руби выглядит освежающе. Но придержал язык; на этот раз она, похоже, не очень смутилась.

– Там будет мой брат, – напомнил я. – И его друзья. Надеюсь, тебе понравится. Они хорошие люди, просто они...

– Парни? – договорила она.

– В части манеры разговоров – да, – улыбнулся я.

– О, я умею обращаться с парнями, – сказала она, подстраиваясь под мои шаги. Я не в первый раз заметил, что двусмысленности, исходящие из ее уст, звучат игриво и жизнерадостно.

– Могу себе представить.

Она повернула ко мне лицо, когда мы остановились у стойки администратора ресторана, и заинтересовалась:

– Это комплимент?

В свете, отбрасываемом лампами под потолком бара, ее глаза поблескивали, и казалось, что она уже знает ответ на свой вопрос и конечно, знает, что это не оскорбление. На самом деле это похвала. Что я мог сказать, так это то, что она умеет обращаться с чем угодно.

– Ни за что не посмел бы оскорбить любое из твоих достоинств.

– Видите? – Она покачала головой и добавила с дразнящей улыбкой: – Не могу понять, когда вы со мной шутите. Вы такой невозмутимый. Может, вам имеет смысл поднимать табличку?

Я пробубнил что-то в ответ, подмигнул и повернулся к администратору.

– У нас здесь встреча. – Тут я заметил брата и его друзей. – А, вот они.

Не раздумывая, я взял Руби за локоть и повел к столику, вокруг которого стояли низкие бархатные кушетки и плюшевые оттоманки. Ее рука была теплой и упругой, но как только я осознал, насколько мое поведение близко к флирту, я отпустил ее. Таким образом я мог бы провожать к столику свою девушку, а не коллегу.

Наше появление не осталось незамеченным, и когда мы уже были в нескольких столиках от них, сидящие мужчины – Макс, Уилл, Беннетт и Джордж – перестали разговаривать и уставились на нас. Руби была высокой, даже несколько долговязой, но это не привлекало внимания. Со своей идеальной осанкой и всегда высоко поднятым подбородком она была грациозна, как олененок.

Четыре пары глаз скользнули по лицу Руби, затем по ее стройному телу к ногам, а потом снова вверх и переместились на меня, засияв.

Черт возьми.

Моему чертову братцу не надо было говорить ни слова, я и так понял, о чем он думает. Я отрицательно покачал головой, но его ухмылка стала только шире.

Они все встали, поздоровались со мной и по очереди представились Руби. Рукопожатия, имена, любезности. Я занервничал. Это мероприятие не походило на деловой обед или даже на ужин с друзьями. Было ощущение, что Руби на переднем плане, что я демонстрирую ее им. Это было знакомство.

– Напоминает собеседование, – сказала она, садясь на красный бархатный диван рядом с Джорджем. – Все эти костюмы.

Я сглотнул, и мое лицо покрылось румянцем от смущения и облегчения при мысли о том, что она восприняла этот вечер совсем по-другому. Мы вовсе не флиртовали.

Совершенно не умею понимать намеки.

– Центр города и его опасности, полагаю, – с легкой улыбкой ответил Беннетт и махнул официантке, чтобы она подошла принять заказ.

– Джин с тоником и побольше лайма, – попросила Руби, потом быстро посмотрела на короткое барное меню. – И сэндвич с прошутто, будьте добры.

Женщина с любовью к джину с тоником, моему любимому вечернему коктейлю? Господь всемогущий. Макс поймал мой взгляд и поднял брови, словно говоря: «Ну-ну».

– Мне то же самое, – сказал я, отдавая официантке меню. – Только с одним кусочком лайма.

– Как вы познакомились? – спросила Руби у Макса.

– Ну, – протянул он, наклоняя голову в моем направлении, – вообще-то это мой младший брат.

Руби улыбнулась.

– Говорят, вас много.

– Что да, то да, – хмыкнул Макс. – Десять. – Он махнул в сторону мужчины, сидящего рядом с ним. – С Беннеттом мы вместе учились в университете, с Уиллом я познакомился, когда переехал в Нью-Йорк и мы приняли неудачное решение открыть совместный бизнес...

– Твой бумажник испытывает ежедневные приступы сожаления по этому поводу, – сухо отозвался Уилл.

– Джордж работает вместе с моей женой Сарой, – договорил Макс.

– Я ее Пятница, – объяснил Джордж. – Занимаюсь ее расписанием, слежу, чтобы графины на ее столе никогда не были пустыми, и слежу, чтобы их с Максом не поймали во время совершения развратных действий.

После того как мы все представились, всеобщее внимание ожидаемо сосредоточилось на Руби, хотя, подозреваю, мое принадлежало ей в любом случае. В слабом свете на фоне зеркальных стен, тяжелых бархатных портьер и эффектной деревянной отделки она практически сияла.

– Давно вы в Лондоне? – поинтересовался Беннетт. – Вы явно не англичанка.

– Я родом из Сан-Диего, – ответила она, убирая прядь волос за ухо.

Беннетт выгнул брови.

– Мы с женой сыграли свадьбу в отеле «Дель Коронадо».

– Восхитительно! – Улыбка Руби могла бы осветить комнату темной ночью. – Я была там на нескольких свадьбах, и все они были великолепны. – Руби поблагодарила официантку, принесшую ей напиток, и сделала глоток. – Я закончила университет в прошлом году в июне и в сентябре переехала в Лондон. Так что полгода. Год я буду стажироваться в «Ричардсон-Корбетт», но осенью я начну параллельно учиться в Оксфорде.

– А, еще один градостроитель? – уточнил Макс, бросив взгляд на меня.

– Нет, – отрицательно покачала головой Руби. – Структурное машиностроение.

Мой брат вздохнул с притворным облегчением.

– Значит, ты согласишься со мной, что градостроительство – самая нудная из всех существующих профессий?

Руби со смехом снова покачала головой.

– Мне очень жаль тебя разочаровывать, но градостроительная политика была моим непрофильным предметом в университете. – Макс застонал. – Я надеюсь когда-нибудь вернуться в Южную Калифорнию в костюме супергероя и полностью революционизировать систему общественного транспорта или ее отсутствие.

Я поймал себя на том, что придвигаюсь ближе, чтобы лучше ее слышать.

– Южная Калифорния забита автомобилями, – продолжила она. – Между городами все ездят на машинах и поездах, но в городе без машины не обойтись. Лос-Анджелес разросся вширь слишком быстро, и у него нет соразмерной ему транспортной системы, поэтому это будет все равно что модифицировать и без того сложный городской пейзаж. – Взглянув на меня, она добавила: – Вот почему я хочу работать с Мэгги. Маргарет Шеффилд, под чьим руководством я хочу учиться, участвовала в создании инфраструктуры вокруг уже существующих станций метро в плотном городском пространстве. Она гений.

Даже Беннетт уставился на нее со смесью любопытства и благоговейного ужаса.

– Господи боже мой. Сколько тебе лет, Руби? – воскликнул Джордж.

Я преисполнился благодарностью в его адрес. Он собирается задать ей все те вопросы, которые я хотел бы задать сам, но не решался.

Она убрала за ухо непослушный локон жестом, в котором я научился угадывать ее неуверенность.

– Двадцать три.

– Ты почти зародыш, – застонал Джордж. – Столько амбиций, и тебе нет даже двадцати пяти лет!

– А тебе сколько? – спросила она, улыбаясь во весь рот. – Ты не выглядишь сильно старше меня.

– Не хочу об этом говорить, – занял Джордж. – Это вгоняет меня в тоску. Я почти достиг возраста, когда пора принимать виагру.

– Ему двадцать семь, – ответил Уилл, игриво толкнув Джорджа.

– Ну правда, давайте перейдем к серьезным вопросам, – произнес Джордж. – У тебя есть бойфренд, очаровательная двадцатитрехлетняя Руби? – Я напрягся и устремил взгляд в свой стакан. – И нет ли у него такого же очаровательного друга-гея?

– У меня есть брат, – уклончиво ответила она и нахмурилась с извиняющимся видом. – Я считаю его очень милым, но, к сожалению, он традиционной ориентации. Я могла бы сколотить состояние, если бы брала деньги со всех девиц, с которыми он переспал в колледже.

Кивнув, Беннетт сказал:

– Мне нравится ваш предпринимательский дух.

Джордж наклонился вперед и продолжил:

– Не думайте, что я не заметил, как ты уклонилась от вопроса о бойфренде. Надо ли мне поиграть в сваху, пока ты в Нью-Йорке?

– Честно говоря, не думаю, что стоит. – Руби подняла стакан и взяла в рот соломинку, встретившись со мной взглядом. – Вот этот человек может засвидетельствовать, что только полчаса назад я выглядела как городская сумасшедшая.

– Наоборот, – возразил я. – Никто другой не носил махровый халат с таким достоинством.

Она хихикнула и закашлялась, подавившись.

– Вы мой любимый лжец.

– Я искренний человек, – ответил я, поставив свой напиток на салфетку. – Еще меня весьма впечатлило, как ты сумела сделать так, чтобы волосы торчали во всех направлениях одновременно. Немногим удастся это сделать, просто поспав в кровати.

Она пожала плечами и задумчиво улыбнулась, вспомнив нашу недавнюю перепалку.

– Меня многие пытались научить укладывать волосы гладко. Им не удалось.

Я взглянул на стол, за которым сидели взрослые мужчины, наблюдающие за нами с восторженным любопытством. Ох и наслушаюсь же я потом от Макса.

– Значит, бойфренда нет, – заключил Джордж с хищной улыбкой.

– Нет, – подтвердила она.

– Тебя интересует кто-то конкретный?

Руби открыла рот и тут же его закрыла, покраснев. Моргнула и прищурила глаза:

– В жизни не поверю, что вы, парни, собрались тут только для того, чтобы выпить и потрепаться об отношениях. Что, дальше начнем обсуждать сумочки?

Беннетт кивнул в сторону Джорджа:

– Это все он. Стоит пригласить его в бар, и начинается.

– Сто раз говорил тебе, Бен-Бен, – протянул Джордж, – ты командуешь днем, я командую ночью.

Беннетт холодно уставился на него, и я увидела, как Джордж старается не съежиться под его взглядом.

– Джордж, – наконец сказал он, выдавив из себя смешок, – ты мне этого никогда не говорил.

Облегченно рассмеявшись, Джордж согласился:

– Да, но прозвучало неплохо. Я просто пытаюсь произвести впечатление на Руби.

– Руби, кажется, ты украдешь у меня Джорджа, – заулыбался Уилл.

– Маловероятно. – Джордж постучал Уилла по носу. – У. Нее. Нет. Нужных. Частей. Тела.

– Ну ладно, – сказал Беннетт, поднимая свой стакан и делая длинный глоток. – Мы вернулись к обсуждению частей тела. Все в порядке.

За столом повисло молчание, все наблюдали за Руби, которая собралась вернуться в номер. Весь ужин она была чрезвычайно очаровательной, и все застонали в унисон, когда она извинилась и сказала, что ей рано вставать. Мне тоже было жаль отпускать ее.

– Ну-ну.

Я взглянул в самодовольное лицо моего братца.

– Теперь, когда мы остались одни, – начал Уилл, – думаю, что можно перестать притворяться, что мы не окончательно потеряны для светской беседы, верно? – Все согласно закивали. Уиллу снова наполнили стакан, и отпил немного скотча. – Также я думаю, что мы все можем согласиться, что Беннетт – важный консультант по этой части.

Макс хихикнул.

– В части конференции? – спросил я в замешательстве.

– В части заурядного затруднительного положения, – сухо добавил Беннетт. – Сногшибательная девушка-стажер. Все отрицающий босс. Я могу составить пошаговый план политики сдерживания.

Я моргнул и сглотнул, осознав, на что они намекают.

– Она не мой интерн. Я не имею никакого влияния на ее карьеру. – Я покачал головой, расстраиваясь от того, что это совершеннейшая ложь. – Я не... то есть я ее не интересую. Она меня тоже.

Все четверо мужчин захохотали.

– Найл, – сказал Уилл, упираясь локтями в колени. – Она чуть не уронила свой стакан тебе на колени, когда Джордж спросил, интересуется ли ее кто-то конкретный.

– Я только собирался сказать то же самое, – добавил Беннетт.

– И что-то мне подсказывает, что она первая бы бросилась ликвидировать катастрофу, – сказал Уилл.

– Ну, может быть, дело в том, что ее интересуется кто-то из сотрудников «Р-К».

– О да. Ты. – Макс поднял свой стакан и допил янтарную жидкость.

– Ну правда. – Я выдавил улыбку. – Она фантастическая девушка, но явно не для меня.

Склонив голову набок, Беннетт спросил:

– Какого цвета у нее глаза?

Зеленые, хотел было ответить я, но сдержался. Покачал головой, будто не знаю.

– Во что она была одета? – спросил Уилл.

В синее платье чуть выше колена, не сказал я. На шее тонкая золотая цепочка, на правой руке кольцо, из-за которого мне все время хотелось задать ей вопрос, который в конце концов сформулировал Джордж – насчет бойфренда.

Я закатил глаза, и мой братец снова захохотал, тыкая в меня стаканом.

– Парни замечают эти вещи, когда девушка их интересуется.

– Если эти парни – не Джордж, – уточнил Уилл. Джордж ухватил его за затылок и попытался поцеловать в губы.

– Что ж, – заметил я, – похоже, мне больше не надо думать на эту тему. Вы подумали за меня.

– Да, мы такие, – сказал Уилл, поправляя перекосившийся воротник своей рубашки и устраиваясь в кресле поудобнее. – Мы знаем эту болезнь.

– Я думал, у тебя нет органа, который за это отвечает, честно, – сказал Джордж.

– Какое облегчение – узнать, что ты такой же, как мы. Наши дамы будут в восторге. – Макс постучал костяшками пальцев по столу и встал. – Увы, должен вас покинуть. У нас новый ритуал: Сара укладывает ребенка спать, я встаю покормить его ночью.

– Наконец-то он отобрал у тебя сосок, а? Небось ты сам пахнешь женщиной, – сказал я Макс, напоминая, как он сам вставлял шпильки во мой адрес во время моего последнего приезда.

Макс рассмеялся и похлопал меня по спине. Мы все встали, безмолвно давая понять, что вечер подходит к концу. Я наблюдал, как мой брат собирает свои вещи и прощается, ощущая смесь гордости и тоски по тому, что у него было: жена, дочь. Хороший дом.

– Поцелуй за меня девочек, – попросил я, когда он собрался на выход. Он взмахнул рукой и ушел. Бар отеля оказался совершенно покинутым и тихим, теперь когда они все вчетвером ушли.

Я хотел найти более подходящее название тому, что почувствовал, когда он уходил. Не зависть и не горечь из-за моих собственных обстоятельств. Просто несколько недель назад, навестив Макса и Сару, я понял, чего я хочу: стабильность, жену, семью, – но я так далек от этого. Перемены всегда давались мне с трудом, и мысли о том, что будет с моей жизнью после развода, устрашали.

До теперешнего момента я даже не осознавал, что отгоняю от себя мысли о том, что будет дальше и как получить от жизни то, что я хочу. Я просто нажал на паузу. Семь месяцев я плыл по течению: с головой погрузился в работу, играл в футбол и занимался греблей по выходным, время от времени встречался с друзьями – Арчи и Йеном.

Но чтобы получить то, что мне нужно, придется выйти за эти рамки.

И сейчас из-за всех этих намеков от Тони, Макса, Уилла, Беннетта и даже Джорджа, а может быть, из-за общества завораживающе прекрасной, очаровательной женщины я задумался, может ли Руби оказаться той женщиной, которая мне нужна.

Но я не хотел совершать никаких движений в адрес Руби только потому, что остальные считали, что я должен это сделать, или потому что у меня в жизни образовалась пустота. Разумеется, я нахожу ее привлекательной и где-то глубоко внутри могу представить, как мы встречаемся.

Могут ли у меня вообще быть отношения, основанные на страсти, честности и преданности, не такие, как с Порцией? Я всегда был предан ей, но у нее на первом месте всегда были родители. Тогда это не приходило мне в голову, но сейчас, оглядываясь назад, я понимал, что мы никогда не стали бы по-настоящему близкими людьми.

За последние год-два я осознал, что все время уступал Порции, просто потому что мы так долго были вместе. Но, несмотря на то, что я человек неуверенный и сдержанный, я воспитывался в доме, где было много страсти, много детей и

происходили самые нелепые приключения. Пусть я никогда не был инициатором ничего спонтанного и безумного, но мне это было нужно, как мы нуждаемся в воздухе и тепле.

Когда я вошел в лифт, перед моим мысленным взором всплыло лукавое лицо Руби.

Такое впечатление, что она появилась в моей жизни в самое подходящее время. Дело не в том, что я мог бы иметь с ней романтические отношения, а в том, что я понял, какими разными бывают женщины и что они необязательно похожи на Порцию.

Разделение нашей общей жизни с Порцией на два разных пути было мучительным и постепенным. Сначала квартира: без особых обсуждений мы решили, что она останется ей. Потом машина: тоже ей. Она оставила себе собаку, мебель и изрядную долю наших сбережений. Я отдал все это, ощутив поразительное облегчение.

Порция – мой первый поцелуй, моя первая любовь, мое первое все. Женившись в девятнадцать лет, я считал, что надо сохранять брак, несмотря на то, что мы были несчастны, пусть даже мои взгляды были старомодными.

Просто однажды наше несчастье стало настолько сильным, что я не видел из него выхода.

Я не чувствовал ее любви, и что касается меня, сексом мы давно занимались на автомате. Речь о детях вообще не заходила, и, по правде говоря, я не мог представить, чтобы Порция любила детей так, как моя мать: со всеми этими полными энтузиазма поцелуями в животики и постоянными физическими проявлениями материнской любви. А теперь, спустя месяцы после развода, я вообще не мог понять, как я представлял себе нашу жизнь с ней: чистую, холодную, где все на своих местах.

В конце концов наш развод решился во время одного из наших безобидных ланчей по расписанию. Я получил напоминалку о встрече, которая должна была состояться в то же время, что и ланч. Порция часто работала из дома, но передвинуть встречу на час – это было для нее слишком.

– Ты вообще когда-нибудь думаешь о том, как устроен мой день? – спросила она. – Ты когда-нибудь думаешь, что я откладываю ради тебя?

Я подумал о романтических каникулах, которые она отменяла, ужинах по случаю дня рождения, которые она пропускала, потому что была в гостях у подруги и забыла, а один раз она просто продлила пребывание в гостях еще на неделю просто потому, что там было очень весело и она не могла от этого отказаться.

– Стараюсь, – ответил я.

– Но у тебя не получается, Найл. И честно говоря, я устала.

Порции всегда надо было оставить за собой последнее слово. И в этот миг с отчетливой яркостью, которой я сам от себя не ожидал, я понял, что мне нравится это последнее слово. Я просто захотел покончить с этим.

– Я понимаю, Порция. Ты можешь делать только то, что можешь.

Она слегка удивилась, что я назвал ее по имени: годами я обращался к ней «любимая».

– Вот так, Найл, – утомленно сказала она. – Я тону. Я просто не могу жить своей жизнью и тащить на себе еще и это.

«Еще и это» – имелось в виду «нас». Ношу семейной жизни, в которой не было любви.

Она взглянула для меня, провела взглядом по лицу, шее, посмотрела на руки в карманах брюк.

Я никак не мог избавиться от ощущения, что, глядя на меня таким образом, она меня с кем-то сравнивает. С кем-то более шикарным, не таким высоким, более американским, менее терпеливым с ней.

После нескольких минут гнетущего молчания она снова заговорила.

– Мы, – сдержанно произнесла она, – больше не чувствуем себя естественно друг с другом.

И это было все.

Глава 5

Руби

Когда в шесть утра зазвонил будильник, у меня было ощущение, будто я только что закрыла глаза.

Из-под подушки я видела, что еще темно. Но с улицы уже слышались гудки машин, шум людей, которые в такую рань уже были на ногах, направляясь на работу, на учебу или по другим надобностям.

Я повернулась на бок и попыталась прикинуть, сколько еще могу вздремнуть, чтобы не опоздать, а потом вспомнила, где я...

С кем я...

Как прекрасно я провела минувший вечер.

И чья кровать находится по другую сторону тонкой, практически бумажной стены.

Сейчас он, наверное, в постели. Я закрыла глаза и представила себе эту картину, и внезапно необходимость как следует подготовиться к новому дню показалась более важной, чем сон.

Я выпрыгнула из кровати и бросилась в ванную, тщательно избегая зеркал, которые попадались мне по пути. Сегодня первый день саммита. Мой первый рабочий день с Найлом Стеллой, во время которого я стану частью того, что он делает, а не просто мебелью на периферии.

После вчерашнего вечера я смотрела на него совсем другими глазами. Он все еще оставался человеком, который предпочитал быть в стороне, наблюдая и анализируя, что говорят и как, но еще был этим расслабленным веселым парнем, который наслаждался напитками в баре в обществе других парней. Он умел отдыхать, общаться, смеяться над собой и окружающими.

Он снова меня поддразнивал – в обществе брата, и его глаза светились весельем и добротой. У меня заныло сердце и бабочки запорхали в животе, когда я вспомнила, как это было. Будет ли он таким всю поездку? И если да, как я удержусь от того, чтобы не упасть к его ногам и не признаться в любви?

О черт.

Я могу найти сотню способов, как совладать с собой в обычный рабочий день. Но сегодня? Уставшая и еще страдающая от последствий джетлага? Кто знает, что может случиться.

Мне казалось, я прямо чувствую тяжелые мешки под глазами, но все равно по жилам побежал адреналин. Мое сердце забилось быстрее при мысли о том, что мы будем работать вместе, смотреть в один файл, прижиматься плечо к плечу, и его мягкие волосы будут падать на его лоб.

Ох, какой кошмар.

Еда – это последнее, о чем я сейчас думала, но мне надо набраться сил. Я заказала доставку в номер и обрадовалась, услышав звонок в дверь через несколько минут после того, как вышла из ванной.

Из коридора донесся аромат завтрака, и мысли о том, что я не голодная, немедленно испарились. Я ринулась к двери, по дороге проверив, что не забыла запахнуть халат потуже, и впустила официанта. Слишком рано для того, чтобы находить юмор в ситуациях с нечаянным раздеванием.

Я подписала чек и уже закрывала дверь, когда со стороны лифта появился Найл Стелла.

Черт побери. Он был в спортзале.

– Доброе утро, Руби.

Спокойно, Руби. Ты сможешь.

– Доброе утро. Ты рано, – сказала я.

Сколько раз, когда я видела Найла Стеллу потным: один.

Я попыталась украдкой осмотреть его с головы до пят, но мои усилия были напрасными. Я думала, Найл Стелла умеет носить костюмы, но футболка смотрелась на нем так, словно ходить в ней – призвание всей его жизни. Темно-синяя, в обтяжку, она выглядела так, что мне захотелось вознести хвалу Господу. Он носил ее так небрежно, так расслабленно!.. Зная его, я предположила, что он выбрал ее по каким-нибудь сложным аэродинамическим соображениям. И боже ж ты мой, какая у него грудь!

Прямая осанка, плоский живот, четко очерченная грудь, более широкая, чем я предполагала. На нем было что-то вроде футбольных шорт, и его ноги были такими мускулистыми, как я и представляла себе. Увидев его в спортивном костюме, я снова поразились, какой он рослый. Я и сама довольно высокая, но никогда не была рядом с мужчиной, который заставлял бы меня почувствовать себя такой маленькой и женственной. Находясь так близко от него, чувствуя запах его свежего пота, я внезапно ощутила все свои изгибы, свой рот, то, как он возвышается надо мной на несколько дюймов. Безо всяких усилий он излучал такую мужественность.

– Доставка «Фритос» в номера? – шутливо спросил он, указывая на мой халат.

Я посмотрела на себя и рассмеялась.

– Я собиралась ходить в таком виде весь месяц, надеюсь, ты не против. – Я игриво потянула за пояс халата и увидела, как его глаза следят за моими руками.

О господи.

Мне захотелось схватить его за ворот футболки и притянуть к себе, упасть с ним на кровать. Или, может быть, я могу накрутить подол футболки на руку и держаться за нее, пока он будет трахать меня сзади...

Ой.

Меня обдало жаром.

Он прислонился широким плечом к стене и взглянул на меня.

– Вчера на тебе было очень красивое платье. Может быть, ты могла бы чередовать то и другое?

Я рассмеялась.

– Я...

Что-что?

Мои глаза расширились, когда я осознала смысл его слов. Его щеки порозовели, но он не отвел взгляд. Не суетись, Руби. Не суетись.

– Хорошая мысль, – ответила я, чувствуя, как по моему лицу расплывается широкая улыбка. Я притворилась, что разглаживаю халат на бедрах. – А то халат продувает.

Он кивнул и, похоже, закусил щеку изнутри, чтобы не засмеяться.

– Догадываюсь.

Я ткнула большим пальцем в сторону своего номера.

– Пойду переоденусь.

– Ладно. Я приму душ, и встретимся внизу? – предложил он, когда я повернулась к нему спиной.

Боже, я хочу это видеть. Наверняка это незабываемое зрелище.

– Хорошо.

Он кивнул.

– Я быстро.

– Нет, – слишком поспешно возразила я. Закрыла глаза, вдохнула. – Нет нужды торопиться.

Он постоял рядом, вставив карточку в замок и глядя на меня. Легкая улыбка дала мне понять, что он прочитал все мои мысли до того, как я сумела совладать с выражением своего лица.

– Все в порядке? – тихо спросил он.

– Да. Просто нужно выпить кофе.

Его глаза заблестели. Как будто он наслаждается моими ужасными страданиями.

– Хорошо. Значит, внизу.

Игра началась, мистер Дарси.

Спуск на лифте в вестибюль был самым долгим в моей жизни. Я считала этажи, номера которых отражались на мониторе, и с каждой секундой напрягалась все сильнее. Найл ждет меня, мы пойдем в наш временный офис. Только он и я. Ничто не будет отвлекать нас. Наедине. Обычное дело.

Вот только нельзя сказать, что это «обычное дело». Это начало чуть ли не самого интересного профессионального сотрудничества в моей жизни, а также день в обществе самого потрясающего мужчины на планете.

Я разгладила платье, поправила воротник жакета и все перепроверила дважды: кошелек, ноутбук, мобильник, нижнее белье. Несмотря на возбуждение, я все еще чувствовала себя измученной. Ноутбук казался тяжелее обычного, оттягивая правое плечо, и из-за сочетания усталости и нервозности я была слегка дерганой.

Я посмотрела на свое отражение в зеркальных дверях, внезапно засомневавшись, удачно ли я оделась. На улице холодно, в офисе наверняка будет тепло, скорее всего, там работает отопление, чтобы компенсировать мартовскую прохладу. Я обула высокие сапоги на невысоком каблуке; они достаточно удобные, чтобы ходить в них, и достаточно теплые, если нам придется отправиться в город и спуститься в метро, которое нам предстоит мониторить. Все файлы и доклады у меня распечатаны. Я готова.

И все равно напугана.

Я вышла в вестибюль и осмотрелась в поисках Найла, но мне не пришлось искать его долго. Он оказался за моей спиной, рядом со стойкой регистрации, и господи боже мой, его костюм в сочетании с плащом, который он перекинул через плечо, выглядел совершенно порнографически.

– Господи, как тебе идут костюмы!

Я думала об этом сотню раз за последние месяцы. Тысячу. Я мысленно говорила их себе, проходя мимо него по коридору, и кажется, у меня была не одна неприличная фантазия, которая с них начиналась. Но никогда, ни в одной из них не было такого, чтобы он сглотнул, осмотрел меня с ног до головы и ответил:

– Мне кажется, тебе все идет.

А потом у него был такой вид, словно он хочет проглотить свои слова и умереть на месте.

Простите?

В детстве у меня была игрушка «Волшебный экран». Я часами рассматривала красную рамку и плоскую серую поверхность, играя с ней, когда ждала

опаздывающий автобус или по пути домой. Большинство людей рисовали картинки или играли в игры, но я упоенно писала свое имя и отработывала каллиграфические умения.

Мама часто говорила мне, чтобы я порисовала что-нибудь другое, что эти буквы оставят следы на экране, если я буду писать одно и то же. И она оказалась права. Спустя некоторое время, как бы я ни трясла экран, пытаюсь стереть изображение, буквы все равно никуда не девались.

Я знала, что сейчас будет то же самое, только на этот раз эти слова навечно запечатлеются в моем мозгу.

Мне кажется, тебе все идет.

Неужели Найл Стелла и правда это сказал? Или у меня удар? Смогу я думать о чем-нибудь другом в своей жизни?

Когда я пришла в чувство, я осознала, что он уже уходит. Я поспешила за ним, мы миновали дверь-вертушку и пошли направо по Пятьдесят шестой улице.

Мне кажется, тебе все идет.

– ...хорошо? – произнес он, и я моргнула.

– Прости, я отвлеклась, – сказала я, пытаюсь поспевать за его размашистыми шагами. И правда, идти рядом с ним – все равно что бежать рядом с жирафом.

– Я спросил, прислала ли моя помощница Джо все, что надо? Все в порядке? Я бы не стал ничего посылать тебе, мы же не работаем в одном отделе, но сейчас мне кажется, что нам обоим надо быть в курсе.

– О да. Да, – кивнула я. – Я получила почту вчера, как только мы приземлились. Она очень... эффективна.

Найл Стелла моргнул своими непристойно длинными ресницами.

– Она – да.

– Как давно она у тебя работает? – спросила я отвлеченно. Я никогда не оказывалась рядом с ним при свете дня и сейчас поразились, до чего он хорош: прекрасная кожа, чистая и гладкая, без единого изъяна. Он явно тратит много времени на бритье, все выглядит идеально.

Он подумал.

– Двенадцатого сентября будет четыре года.

– Ого. Ничего себе.

Он улыбнулся и посмотрел в свой телефон.

Мне кажется, тебе все идет.

Утренний воздух охлаждал мое лицо, и я закрыла глаза, радуясь сильному ветру. Он помогал мне прочистить мозг, пока мы шли по улице, а потом повернули на Шестую авеню.

Только сейчас мне пришло в голову, что это мое первое утро в Нью-Йорке. Лондон – большой город, да. Но у меня всегда было ощущение, что я нахожусь в месте, которое существует уже много столетий, что дома, дороги и деревья выглядят примерно так же, как тогда, когда их построили и посадили. В Нью-Йорке, конечно, тоже есть старинные здания, но здесь так много нового и современного, в небо простираются стекло и металл. Постоянный цикл перерождения. По обе стороны было много лесов, и мы то и дело проходили под ними или следовали по знакам, указывающим путь обхода.

Я попыталась воспользоваться этим временем, чтобы обдумать то, что нам сегодня предстоит: назначить встречи с местными официальными лицами, получить расписание всех выступлений, составить список станций метро, которые больше всего нуждаются в перестройке.

Но я не могла сосредоточиться, и всякий раз, когда шум дорожного движения приглушался и мои мысли наконец обретали связность, Найл, обходивший кого-то из пешеходов, задевал меня за плечо. То он замечал шатающуюся доску на деревянном настиле и предупреждающим жестом прикасался к моей руке. Мы

шли минут пять, и если бы меня спросили, о чем я думаю, я бы пробормотала что-то неразборчивое и неловко засмеялась.

Мы дошли до поворота и остановились на светофоре. Найл убрал в карман телефон и встал на приличном расстоянии от меня, но достаточно близко, чтобы рукав его пиджака задевал мой жакет, когда я поправляла ремешок сумки на плече. Этим холодным утром наше дыхание оставляло облачка пара в воздухе. Мне приходилось заставлять себя не пялиться на его губы, особенно когда он облизывал их.

Когда зажегся зеленый свет, толпа перед нами тронулась с места и я почувствовала на своей пояснице его ладонь, подталкивающую меня вперед.

Его рука у меня на спине... в нескольких сантиметрах от моей попы. И если бы он прикоснулся к моей попе, это было бы все равно как если бы он потрогал меня между ног. Так что да, мой мозг отреагировал примерно так же, как если бы Найл Стелла погладил мой клитор, и я споткнулась и чуть не упала.

Мы перешли дорогу, и он наконец сделал над собой усилие и замедлил шаги.

– Тебе не стоит подстраиваться под меня, – сказала я. – Я могу идти быстро.

Найл Стелла покачал головой.

– Прости? – переспросил он, делая вид, что не расслышал. Итак, первое: он пытается быть вежливым и не признает, что мои более короткие ноги не могут шагать так же широко и быстро, как его. И второе: он ужасный лжец.

– Ты же чуть ли не восемь футов ростом. И ноги у тебя почти в два раза длиннее. Конечно, ты ходишь быстрее. Но я могу держаться с тобой вровень, я не буду тебя задерживать.

Он слегка покраснел и улыбнулся.

– Ты же тут чуть не упала, – заметил он, махнув рукой на проезжую часть, оставшуюся позади. У меня сердце забилось быстрее, и это не имело ничего общего с тем, что нам приходилось в быстром темпе идти по улицам Нью-Йорка.

– Я пыталась быть вежливой и делать вид, что ничего не произошло, – рассмеялась я. Обрадовалась, что он смотрит вперед, потому что моя улыбка была настолько широкой, что лицо могло вот-вот треснуть. – К черту нарядную обувь, в следующий раз я обую «Найки».

– Эти неплохие, – сказал он, кивнув на мои сапоги. – Симпатичные. Насколько я помню, Порция носила высокие каблуки даже во время путешествий. Она... – Он замолчал, взглянув на меня с таким видом, как будто только что осознал, что я могу быть не в курсе его личной жизни. – Прости. Не буду утомлять тебя подробностями.

Что-что?

Даже по его профилю я видела, что он нахмурился. Он явно не собирался пускаться в воспоминания, но я не могла не признать, что в глубине души я в восторге. Он снял свою защиту, пусть даже на мгновение.

– Порция – это твоя бывшая жена? – спросила я, стараясь говорить легко и небрежно. И не показывать, что я жадно впитываю каждое слово. Он упомянул о ней в самолете, но имени не назвал.

Мы прошли несколько шагов в молчании, и только потом он кивнул, но больше ничего не сказал. Мне доводилось видеть бывшую миссис Стелла лишь мельком, но я тогда не знала, что это она, поэтому толком не рассмотрела ее. Я слышала кое-какие рассказы, но только урывками. Такое ощущение, что у нас в офисе было неписаное правило: немножко посплетничать можно, но слишком много подробностей – дурной тон.

Мы прошли мимо трех красивых бронзовых, покрытых патиной безголовых статуй перед небоскребом – одна стояла с одной стороны здания, остальные две – со другой.

– Они должны изображать Венеру Милосскую, – заметила я, указывая на статуи. – Их называют «Смотрящие на авеню»[1 - Речь идет о статуях американского художника, фотографа и скульптора Джима Дайна. Все они копируют знаменитую статую Венеры Милосской, только без головы и в разном размере.].

Он проследил за моим взглядом.

– Но у них нет голов, – возразил он. – И они никуда не смотрят.

– Я об этом не подумала, – ответила я. – Красивые груди, однако.

Найл издал такой звук, словно чем-то подавился.

– Что? – спросила я, засмеявшись. – Это правда! Город получает из-за этого много жалоб.

– Из-за грудей или из-за отсутствия голов? – уточнил он.

– Может, и потому, и потому?

– Откуда ты все это знаешь? Ты же говорила, что никогда не была здесь.

– Моя мама была очарована Нью-Йорком. Так что я могу быть твоим гидом и утомить тебя миллионом подробностей.

– Звучит заманчиво, – сказал он, но его голос был странным. Это сарказм или...

О боже мой.

Я резко остановилась, и Найлу пришлось обернуться.

– Что такое? – спросил он, глядя вперед, словно пытаюсь понять, из-за чего я остановилась. – Все в порядке?

– Концертный зал «Радио-сити», – замороженно сказала я и ускорила шаг.

– Достопримечательность, – сказал он с ноткой веселья в голосе и легко догнал меня, когда я рванула вперед.

– Здесь каждый год показывают рождественский спектакль, и моя мама умрет при мысли, что я так близко. – Мои перчатки были слишком скользкими, и я не

могла схватить телефон, лежавший в кармане жакета. – Сфотографируешь меня?

Можно подумать, я попросила нарисовать меня обнаженной.

– Я не... – начал он и покачал головой, осматриваясь. – Мы не можем просто так тут стоять.

– Почему?

– Потому что это...

Он не сказал «неприлично», но это слово было написано у него на лице огромными буквами.

Я бросила взгляд по сторонам и увидела, что куча людей торопится по своим делам.

– Никто не обращает на нас внимания. Мы можем отойти к краю тротуара и никому не помешаем.

Он широко распахнул глаза, вздохнул и достал свой телефон.

– Я сфотографирую на свой и перешлю тебе. На твоём слишком много отвратительных девчачьих стразов. – Уголок его рта приподнялся в легкой улыбке. – Взгляни на меня. У меня слишком мужественный вид для таких штучек.

Прошлым вечером я это уже заметила, но сегодня снова была сражена: Найл Стелла вежливый, культурный, утонченный и сдержанный человек, да, но Найл Стелла умеет веселиться и флиртовать.

Я знала, что перехожу грань, но черт возьми, он такой милый. Мимо несутся толпы туристов, а он ищет камеру на телефоне. Хотя он и возражал, но выражение его лица изменилось, когда он сделал первый снимок. Потеплело?

– Вот, – сказал он и повернул ко мне экран. – Очень красиво.

– Окей, а теперь иди сюда. – Он подошел ко мне, и я взяла телефон, рассматривая фотографию. – Сделаем общее фото, – сказала я и вытянула руку с телефоном.

– Что... – он начал было возражать, но передумал. – У тебя недостаточно длинные руки.

– Ты шутишь? Я спец по селфи. Просто... чуть-чуть согни колени, чтобы моя голова не была на фоне твоих дельтовидных мышц. Не то чтобы я что-то имела против них, но...

– Не могу поверить, что я это делаю, – сказал он, выхватывая телефон у меня из руки.

– Обещаю, я не скажу Макс, что ты делал селфи на Шестой авеню, – прошептала я, он повернул ко мне лицо, и наши глаза встретились.

Он был лишь в нескольких дюймах от меня. О, мы почти женаты.

Секунду он смотрел мне прямо в глаза, потом откашлялся.

– Надеюсь.

Пришлось сделать несколько снимков, чтобы выбрать правильный угол, и в последний раз он обнял меня за талию и прижал к себе.

Ой, все. Я мысленно поставила галочку в списке, сколько раз Найл Стелла обнимал меня за талию и прижимал к себе: один. Я знала, что это все равно отмечать Рождество, день рождения, повышение на работе и испытывать лучший оргазм в жизни – и все это одновременно.

Он взглянул на фотографию и повернул экран телефона ко мне. Снимок был хороший, чертовски хороший. Мы оба улыбались; камера поймала нас в момент, когда мы смеялись, а он пытался сфотографировать нас, не снимая перчаток.

– Какой у тебя номер телефона? – спросил он, глядя на экран. Я увидела, как его щеки слегка покраснели на холодном сильном ветру.

Я сказала, наблюдая, как он набирает мой номер. Он нажал «Отправить» и улыбнулся мне: слегка застенчиво, слегка игриво, и в этой улыбке было что-то еще, во что я не могла до конца поверить. В этот момент он не был похож на вице-президента, внушающего благоговейный ужас, или на человека, который закончил университет еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Он выглядел просто красивым парнем, с которым я гуляю по городу.

У меня в кармане звякнул телефон.

Я попыталась не думать о том, что теперь у него есть моя фотография и фото нас обоих. Я пыталась не думать о том, что теперь у него есть мой номер телефона. Я пыталась не думать о том, как нам сейчас было легко вдвоем, теперь, когда я перестала беспокоиться о том, как я себя веду в его обществе, и просто наслаждалась моментом.

Когда он убрал телефон и сделал жест, предлагая продолжить путь, я заметила широкую улыбку на его лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Речь идет о статуях американского художника, фотографа и скульптора Джима Дайна. Все они копируют знаменитую статую Венеры Милосской, только без головы и в разном размере.

Купить: <https://tellnovel.com/kristina-loren/prekrasnyy-sekret>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)